

Author: Эпштейн Самуил Данилович

Земля и Природные Богатства Страны - это Народное

Эпштейн Шмуэль .

**Против всех налогов и за Единственный Легитимный Налог -
Налог на Землю.**

Аннотация.

Уважаемый Читатель !

Благодарю Вас за то, что удостоили вниманием мою книгу !

Уважаемые господа !

Хочу представить вам 15 моих электронных книг :

Я выложил в свободный доступ 15 моих электронных книг, Мою книгу в отсканированном виде : “Цивилизация !!! или Сверххрабство ???”, Диаграммы к теме : “Даёшь Капитализм с Человеческим Лицом !” в отсканированном виде (Сама эта тема - Даёшь Капитализм с Человеческим Лицом -

(см. в конце темы ссылку на диаграммы).

1. Эпштейн Шмуэль .

Против НМП и ГТЧ и за ПМВСИ в СГУ ! (НМП - Новый Мировой Порядок, ГТЧ - Глобальная Тоталитаризация Человечества, ПМВСИ - Принцип Максимально Возможной Свободы Индивида, СГУ - Система Государственного Устройства).

2. Эпштейн Шмуэль .

Против ЮЮ и за Саммерхилл !

(ЮЮ - Ювенальная Юстиция, Саммерхилл - это Свободная Школа в Англии).

3. Эпштейн Шмуэль .

Против Государства Израиль и Массового Уничтожения Израильских Детей !

4. Эпштейн Шмуэль .

Против ПСШО и за ССШО !

(ПСШО - Принудительная Система Школьного Образования и ССШО - Свободная Система Школьного Образования).

5. Эпштейн Шмуэль .

Против Социализма и за Капитализм с Человеческим Лицом !

6. Эпштейн Шмуэль .

Против ИИММДБС и за ИМДБС !

(ИИММДБС - Современная Искусственно Изуродованная Мировая Мошенническая Денежно Банковская Система, ИМДБС - Идеальная Мировая Денежно Банковская Система).

7. Эпштейн Шмуэль .

Против Уничтожения России и за её Возрождение !

8. Эпштейн Шмуэль .

Против Представительства, Власти Государства над Народом, за Прямое НародоВластие и за Власть Народа над Государством !

9. Эпштейн Шмуэль .

Против Профанации Правосудия и за Истинно Народный Суд !

10. Эпштейн Шмуэль .

Против Принудительной и Послушной Психиатрии, Пересадки Человеческих Органов, Абортов и Наркоторговли !

11. Эпштейн Шмуэль .

Против всех налогов и за Единственный Легитимный Налог - Налог на Землю.

12. Эпштейн Шмуэль .

СВОБОДОЛОГИЯ - Наука всех Наук о Человеке и Человеческом Обществе !

13. Эпштейн Шмуэль .

Еврейский вопрос.

14. Эпштейн Шмуэль.

Идеальное Государство.

Эти книги составлены следующим образом.

Все мои темы с моего личного подфорума в politforums.ru :

Цивилизация или НМП -

<http://www.politforums.ru/civilization/>

я распределил по

нескольким большим темам, расположил все темы, к ним относящиеся, в хронологическом порядке и выбросил всё лишнее. Каждая из этих больших тем и представляет из себя одну из электронных книг. Таким образом, есть возможность проследить за эволюцией, оттачиванием моих идей и рождением новых идей. Чему, кстати, очень способствовало само моё участие в форумах и дискуссии на них. За что я выражаю мою глубокую благодарность всем моим оппонентам !

Если Вы, Уважаемый Читатель, после прочтения моих книг сочтёте мою борьбу с НМП, Мракобесием и Сатанизмом ценной, важной, полезной, необходимой, разделяете мои взгляды и при этом у Вас есть реальная возможность поддержать меня в моей деятельности, чтобы она стала ещё более эффективной, то прошу выслать на имя моей жены (Irena Kosenko, Ness Ziona, Israel) через Western Union

любую сумму, которую Вы считаете возможным выслать. Код перевода прошу

сообщить на мой E-mail :

s210748@gmail.com

Ирины : на E-mail и

irenakosenko@gmail.com

или по телефону : 972(код Израиля)502169957

или по телефону : 972526723523

Если у Вас нет такой возможности, я ни в коем случае не буду в обиде :
читайте на здоровье и распространяйте среди друзей ! Этим Вы окажете
неоценимую поддержку Нашему Общему Делу !

Хочу заранее оговорить, во избежание недоразумений : спонсирование
моей деятельности ни в коем случае не даёт права спонсору оказывать на меня
какое бы то ни было давление !

Обещаю всем моим спонсорам высылать мои публикации с новыми
идеями и предложениями !

Разрешаю копировать, переводить на иностранные языки и
распространять все мои тексты без ограничений, но только без искажений и со
ссылкой на первоисточник ! С глубоким уважением !

Эпштейн Шмуэль.

**ПМВССЗН - Принцип Максимально Возможно Справедливой
Системы Земельного Налога.**

10.11.2009 в 17:31

Это выдержка из моей работы на КОНКУРС -Даёшь Капитализм с
Человеческим Лицом !<http://libertarians.ru/forum/viewtopic.php?t=1053>Хочу
подчеркнуть, что Ротбард - один из самых уважаемых мной политэкономов XX

века. Но здесь я вынужден с ним спорить. Рассудите - кто прав.6. ПМВССЗН - Принцип Максимально Возможно Справедливой Системы Земельного Налога.

У Дейла КАРНЕГИ есть рассказ о владельце Калифорнии.....Не знаю как вас, меня потряс этот рассказ. Интуиция дилетанта подсказывает мне, что Генри Джордж прав. Вот что я нарыл в Интернете. Джордж определяет проблему как возрастание потребностей при увеличении богатства. Выступая против мальтузианского фатализма, рассматривая его просто как средство оправдания привилегий, Джордж связывает низкую заработную плату и безработицу с искусственной редкостью земли и барьерами для свободного обмена. Искусственная редкость земли проистекает из неравного распределения общественных земель, концентрации и "спекуляции". Спекуляция, по Джорджу, - это всепроникающий провал рынка, который затрагивает и земельную собственность, применительно к которой этот провал связан с наличием незаработанного прироста дохода. Джордж предлагает поднять налог на неиспользуемые земли (широкое определение которых сводится ко всем естественным возможностям), социализируя, таким образом, ренту без дополнительного налогового бремени. Он был готов отказаться от прочих налогов, называя их барьерами для торговли, занятости и формирования капитала. Денежный канал, возникающий благодаря этому налогу, будучи нейтральным для предельных землевладельцев, привел бы в движение и смазал бы земельный рынок, взятый в целом, способствуя полному использованию земли. Наблюдение убедило его в том, что в противном случае стимулы к полному использованию земли подрываются спекуляцией. Его программа сводилась к уничтожению барьеров для обмена, специализации, производства и делового сотрудничества. К этим барьерам относились пространственные препятствия, вызванные спекуляцией землей (например,

разрозненные поселения); фискальные препятствия, такие как акцизы и налог на фонд заработной платы и социальные препятствия, связанные с неравным распределением богатства и презрением к мастерству и квалификации, которое он (подобно Веблену) относил к воздействию вызванного привилегиями и незаработанного богатства. Эта “по-настоящему свободная торговля” открыла бы возможности для технологического, научного, культурного и духовного развития в более эгалитарном и нравственном обществе, организованном вокруг совершенного рыночного механизма. Идея о том, что окружающая среда - это общее наследство будущих поколений, представляет собой чистый джорджизм. “Космическая земля”, общая собственность и права еще не родившихся - это все его излюбленные выражения. Что касается экономического развития экономисты - это легион тех, кто рекомендует “дозу Генри Джорджа” для обеспечения подъема слаборазвитых стран, а для некоторых, как например, Тэйуона, последовавший совету джорджиста д-ра Сана Йэтсена в более позднее время, эта доза оказалась сопряжена с хорошими последствиями. С консервативной точки зрения, Джордж был пионером налоговых ограничений, настаивая на том, что земельная рента устанавливает верхний предел государственным расходам. Возрождение либертарианизма и экономической теории предложения может дать новый импульс развитию идей Джорджа, чья программа была, в основном, ориентирована на увеличение производства частного сектора. Религия в политике не должна угрожать Джорджу, поскольку тот не стеснясь представлял экономическую политику как реализацию религиозных идей. Джорджевская смесь радикализма и консерватизма смущает до тех пор, пока не увидишь как эти две противоположности согласуются. Эта система внутренне непротиворечива, хотя и представляет определенную характеристику общепринятых стереотипов.

ГЕНРИ ДЖОРДЖ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КАПИТАЛИЗМА Анделсон

Р.В.Американский институт экономических исследований (США) Среди философов мира, размышлявших над социальными проблемами, едва ли наберется с десятков тех, кто, со времен Платона, сравнялся бы с Генри Джорджем. Из тех, кого произвела Америка, он, конечно же, величайший. Человек не имеет права считать себя образованным в области социальной мысли, если он не знаком с вкладом в теорию, внесенным этим великим американским мыслителем. Джон Деви Кажется, что после падения “железного занавеса” люди во всем мире находятся в поисках “среднего пути”. За исключением Северной Кореи и Кубы, от доктрины марксизма отказались практически все, даже левые силы. Социализм отошел в прошлое. Его приверженцы не находятся более на гребне волны, устремленной в будущее. Даже такие наиболее активные сторонники государственного регулирования, как Джон Кеннет Гэлбрейт, сегодня избегают ярлыка социалиста. Но, с другой стороны, экономисты-классики периода свободного рынка вряд ли бы признали за капитализм то общество, которое мы имеем сегодня в Америке. Такие светила промышленности и финансов, как Ли Якокка и Феликс Рохатин поддерживают в определенной мере государственное регулирование, - факт, который казался бы совершенно неприемлемым для Гобдена или Рикардо. В сфере политики основные кандидаты отличаются лишь в степени поддержки государственного регулирования. Сегодня вопрос не о том, “должна ли существовать федеральная помощь”, а вопрос “о количестве федеральной помощи” и о том, “как она должна распределяться”. Еще в конце 40-х гг. сам “мистер консерватор”, сенатор Роберт А. Тафт, провел закон о федеральном жилом строительстве. Позже другой лидер республиканской партии в сенате, Боб Доул, стал главным архитектором программы маркировки продуктов, которая явилась подачкой не только для бедных, но и, прежде всего, для сельскохозяйственного бизнеса. республиканский президент Ричард Никсон

ввел контроль цен и освободил доллар от прежней незначительной поддержки с циничным замечанием: “Мы все кейнсианцы сегодня”. Но то, с чем все мы, от правых до левых, имеем дело сегодня, не является координированной структурой, воплотившей в себе лучшие идеи с обеих сторон, и даже не хорошо продуманной попыткой синкретизма, но озадачивающей неразберихой скороспешных решений, которые основаны на политических или экономических соображениях, но которые никоим образом не связаны с единой системой социально-экономической правды - за исключением разве того, что все они исходят из грандиозной схемы телеологии и этики. Здесь немного социализма, там немного капитализма, здесь внимание к общественному сектору, там уступки мотиву личной выгоды, здесь подачки для “не имеющих привилегий”, там поклон личной инициативе - соединим все это воедино и что же получим? Не что иное, как огромную тряпичную куклу, бессистемную смесь обрывков и лоскутков, без какой-либо основы и внутренностей! Тем не менее, Средний Путь существует. Существует организм социально-экономической правды, который включает в себя лучшие достижения капитализма и социализма. Но никто не сплетал их искусственным путем воедино и не создавал намеренный компромисс. Они выросли самостоятельно, повинаясь своей внутренней логике, из глубоких этических законов, которые являются основой этой системы, из понимания значения библейского изречения “не укради”. Этот Средний Путь ассоциируется в философии с именем Генри Джорджа. Мне нравится представлять экономическую теорию, как большую составную мозаику, располагающуюся на двух столах, один из которых зовется капитализмом, а другой социализмом. Но с подлинными фрагментами мозаики перемешано много фальшивых кусочков, которые также распределены по обоим столам. Восприятие большинства из нас либо ограничено одним столом, либо мы не

можем отличить подлинные кусочки от фальшивых. Но Генри Джордж знал, как отличить нужные фрагменты, и, таким образом, он был способен собрать мозаику - хотя бы в общих очертаниях. Я не утверждаю, что он никогда не ошибался или что вся работа уже сделана. Но тот факт, что маленькие фрагменты пропущены там и сям, не колеблет моей уверенности в гармоничности составленного рисунка и не вызывает во мне желания смести мозаику на пол и начинать собирать ее с нуля. Генри Джордж родился в 1839 г. в Филадельфии и умер в 1897 г. в Нью Йорке. Свой главный труд "Прогресс и бедность" (Progress and Poverty) он написал именно в Сан Франциско, в 1870 г. Большую часть своей жизни он работал в газете, проделав путь от помощника наборщика до редактора. Его взгляды были специфически калифорнийскими. Его философия сформировалась под влиянием наблюдений за условиями жизни в этом новом буржуазном штате, где он мог исследовать, как в лаборатории, рождение и развитие социальных и экономических процессов. Его труд "Прогресс и бедность" был переведен по меньшей мере на 25 языков. Среди книг, которые не принадлежат к жанру художественной литературы, в течение многих десятилетий рейтинг его продаж уступал только Библии. В Оксфордском университете, на факультете английской литературы, эта книга использовалась как образец тончайшей прозы. Вторая половина жизни Генри Джорджа была единым великим крестовым походом за справедливость, в конце которого он буквально пожертвовал собой, проводя общественную кампанию, вопреки предписаниям своего доктора. В середине этой кампании он умер, и его похороны были самыми великими из тех, которые когда-либо видел Нью Йорк. Его гений был горячо признан такими знаменитыми фигурами, как философы Джон Деви и Мортимер Дж. Адлер, президенты Вильсон и Эйзенхауэр, ученые Альфред Руссель и Альберт Эйнштейн, писатели Джон Раскин и Альберт Лей Нок, юристы Луис Брандеус и Самуэль Сибери,

журналисты Вильям Бакли и Микаэль Кинсли, государственные деятели Уинстон Черчилль и Сунь Ятсен. Эти имена покрывают весь политический спектр от консерваторов до либералов, и каждый из них нашел для себя нечто очень ценное в идеях Джорджа. Я процитирую только одного из этих свидетелей - доктора Сунь Ятсена, основателя и первого президента Китайской Республики. "Я намереваюсь, - заявлял он, - посвятить свое будущее процветанию китайского народа. Учение Генри Джорджа будет основой нашей программы реформ." Я думаю, что мы можем обоснованно сказать, что, если бы доктор Сунь Ятсен остался в живых и выполнил свое обещание, основная часть Китая не была бы сегодня "красной". Но Тайвань, где эта программа была реализована, конечно не полностью, но в значительной степени, явил собой показательную трансформацию из крайней бедности в резонирующее процветание, распределенное для блага всех слоев общества. Я сказал, что процитирую только одного свидетеля, и я сдержу свое слово. Но я все же считаю здесь уместным упомянуть, что граф Толстой, автор "Войны и мира", и "Анны Карениной", и романа "Воскресение", который написан явно в "джорджевском" духе, написал в январе 1902 г. длинное письмо к царю Николаю II, в котором предупреждал царя о растущем народном недовольстве и умолял его о реформе по программе Джорджа, как неотложной мере, необходимость которой диктуется как требованиями справедливости, так и угрозой социалистической революции. За этим письмом в мае того же года последовало письмо другого члена царской фамилии, вновь касающееся конкретных предложений Джорджа. Разве не следует из этого, что, будь предупреждение и мольба Толстого приняты царем во внимание, Россия избежала бы более семи десятилетий коммунистической тирании, а зависимые от нее нации - соответствующих периодов доминирования марксизма, а Запад - тяжелого бремени холодной войны? И то, что, проигнорировав это

предупреждение и эту мольбу, Николай II расплатился за это жизнями несчастных миллионов своих подданных, включая, по злой иронии, свою собственную жизнь и жизни своих нежно любимых детей и жены? В течение долгого времени среди ученых экономистов было принято игнорировать или относиться снисходительно к Генри Джорджу - либо из-за недостатка у него формальных рекомендаций, либо из-за его склонности смешивать моральные аргументы с экономическими, либо из-за иных наблюдаемых у него интеллектуальных “преступлений”, еще более ужасных. Сегодня такое отношение встречается все реже, хотя и ранее существовали благородные исключения из правила. Но сегодня мы видим, что экономисты всех типов, включая, по меньшей мере, четырех нобелевских лауреатов, едины в признании того, что идеи Джорджа жизненно важны для современности. Полный список был бы слишком долог, но он включает в себя такие имена, как Гарри Беккер, Кеннет Баулдинг, Джеймс Бачанан, Милтон Фридмен, Мейсон Гафни, Лоуэл Херрис, Альфред Каан, Артур Лафер, Франко Модильяни, Воррен Самуэлс, Роберт Солоу, Джеймс Тобин и Вильям Викри, последний из которых являлся до недавнего времени президентом Американской Экономической Ассоциации. В предисловии к четвертому изданию “Прогресса и бедности” Генри Джордж писал: “Чего я достиг в этой работе, при условии, что я верно решил огромную проблему, которую я старался исследовать, - это то, что я соединил истину, осознанную школами Адама Смита и Рикардо, с истиной, постигнутой школами Прудона и Лассаля, показал, что принцип *laissez faire* (в своем полном значении) открывает путь к реализации благородной мечты о социализме...”. А сейчас давайте вернемся к нашей иллюстрации экономики в виде мозаики и рассмотрим фрагменты, которые отобрал Генри Джордж со столов капитализма и социализма. Начнем со стола капитализма. Джордж считал себя очистителем капитализма, а не его врагом. Свою систему он

основывал на положениях экономистов-классиков. Костяк его системы - суть капитализм. Маркс характеризовал учение Джорджа как “последний рубеж капитализма”. Джордж верил в конкуренцию, в свободный рынок, в неограниченное действие законов спроса и предложения. Он не доверял правительству и презирал бюрократию. Он не был сторонником уравниловки, и полагал, что единственным равенством должна быть равная свобода возможностей. На самом же деле он хотел сделать свободное предприятие по-настоящему свободным, освободив его от монополистических пут, которые мешают эффективной работе предприятия. В своей книге “Условия труда” Джордж писал: “Мы отличаемся от социалистов в нашем диагнозе болезни и в средствах ее излечения. Мы не имеем страха перед капитализмом, считая его естественным условием труда, мы смотрим на извлечение прибыли как на явление естественное и справедливое, мы не считаем нужным налагать какие-либо ограничения на накопление либо налагать на богатых какую-либо ношу, которая не распределена равно и на бедных; мы не видим зла в конкуренции, но считаем, что свободная конкуренция необходима для здоровья промышленного и социального организма, как свободная циркуляция крови - для живого организма, и является формой, через которую может быть достигнута полная кооперация”. Почему же Джордж взял так много фрагментов со стола капитализма? Я полагаю, потому, что все они являются следствиями и составляющими одного большого фрагмента, а именно - моральной справедливости частной собственности. Дело в том, что Джордж, будучи верным христианином, хотя и не принадлежащим ни к какой секте, имел огромную веру в Богом данное достоинство индивидуума. Это достоинство, считал он, требует признания того, что индивидуум обладает абсолютным и неотчуждаемым правом на самого себя, которое может быть ограничено лишь тогда, когда он отказывается признавать такое же право за

другими. Это право на самого себя предполагает право на свой труд, который является расширением самого себя, и на продукт этого труда - на право его использовать, наслаждаться, дарить, уничтожать, передавать по наследству или даже (если есть такое желание) закапывать в землю. Обложение налогами обычно понимается как отрицание этого права, особенно когда оно основано на принципе "платежеспособности". Оно является отрицанием, так как оно налагает дань на продукт индивидуального труда. Оно является отрицанием, так как основано на предположении, что общество в целом имеет право облагать индивидуумов налогом вне зависимости от тех выгод, которые они получают от этого общества. И поэтому Джордж отрицает многие коллективистские институты, существование которых большинством сегодняшних защитников свободного предпринимательства даже и не ставится под вопрос, - подоходные налоги, тарифы, налоги с продажи, корпоративные налоги, налоги на собственность и т.д. В известном смысле, это делает его архиконсервативным, но тем не менее такие выдающиеся социалисты, как Вольтер Рошенбуш и Джордж Бернارد Шоу, говорили, что это был именно Генри Джордж, кто пробудил в них стремление к социальной справедливости. Чтобы понять причины этого, мы должны перевести наше внимание на другой стол - стол социализма. Собирая экономическую мозаику, Джордж взял со стола социализма только два фрагмента. Но какими огромными и стратегически важными были эти фрагменты! Первым из них явилось утверждение того, что все люди приходят в этот мир с равными правами пользоваться природными богатствами. Вторым была уверенность Джорджа в том, что общество имеет право владеть тем, что производит общество. В действительности эти фрагменты приземлились на стол социализма только по недосмотру. Первоначально они являлись частью теории капитализма, в том виде, как она описывалась Джоном Локком, физиократами и Адамом Смитом. Но

капитализм в своей практике игнорировал их и сам стал разорванной карикатурой на самого себя. Намерением Джорджа было вызволить эти утерянные фрагменты и восстановить баланс и пропорции стола капитализма. Итак, если частная собственность морально оправдана правом человеком на продукты своего собственного труда, ясно, что земля и другие природные богатства не принадлежат к категории частной собственности, так как они не были созданы человеком. И ценность, которой они обладают, не является результатом какого-либо действия их владельца, но результатом присутствия и активности общества, которое находится вокруг них. Кто-то может построить небоскреб в пустыне, и земля, на которой он воздвигнут, не станет стоить ни на копейку дороже, в то время как пустой клочок земли в городе может стоить целое состояние только по той причине, что каждый день через него проходит большое количество людей. Почему же, законно спрашивает Генри Джордж, должно быть позволено частным лицам обогащаться на не заработанном ими подорожании земли, на росте стоимости, который создан обществом благодаря росту населения и общественных услуг? Почему может быть позволено отдельным людям налагать дань на других людей, которые желают иметь доступ к их общему богатству? Но можно возразить, что владелец, возможно, заплатил за свою землю деньги, заработанные честным трудом. Разве не имеет он теперь законного права? На это Джордж ответил бы так: если кто-то по незнанию покупает краденые вещи, честность его намерений все же не дает ему прав и преимуществ перед законным владельцем вещей. Генри Джордж был не первым мыслителем, который осознал различие между землей и другими видами собственности. Джон Локк писал, что “Бог дал мир в общее пользование всему человечеству. Когда речь идет о том, что собственность ”священна“, должно помнить, что это свойство ни в коей мере не относится к собственности на землю”. Вильям

Блэкстоун писал: “Земля и все, что на ней существует, является общей собственностью всего человечества, как непосредственный дар Создателя”. Томас Пейн утверждал, что “люди не создавали землю. .. Только ценность усовершенствований, но не земля сама по себе, является индивидуальной собственностью”. Согласно Томасу Джефферсону, “земля дана для людей как общий капитал, предназначенный для работы и жизни”. Джон Стюарт Милл писал: “Увеличение стоимости земли, которое происходит как результат усилий всего общества, должно принадлежать обществу, а не индивидууму, который может иметь титул землевладельца”. Авраам Линкольн говорил: “Земля, которую Бог дал человеку в качестве дома, средства существования и поддержки, никогда не должна являться собственностью какого-либо человека, корпорации, общества или недружественного правительства, так же, как и воздух и вода”. Согласно словам Герберта Спенсера, “равенство не допускает собственности на землю... Бог оставил мир в наследство человечеству. Все люди являются его наследниками совместно”. Но именно Генри Джордж подчеркнул это различие и поместил его в самый центр своей системы. В настоящее время мы смотрим иронический спектакль общества, которое наказывает индивидуума за его трудолюбие и инициативу, забирая у него часть того, что он произвел, и в то же время изливает на не производителя незаслуженные богатства, которые производит оно само, общество. Генри Джордж построил свою программу на принципе: индивидуум должен владеть всем тем, что произведено им, а общество - всем тем, что произведено самим обществом. Монополия на землю - это огромная палка в колесах, которая мешает действию системы свободных предприятий, мешает правильному соединению звеньев механизма системы; это скрытая раковая опухоль, которая разъедает сердце капитализма. В начале нашего столетия один великий государственный деятель описал ее ядовитое воздействие в следующих словах: “Пока земля, что

называется, "зреет" для того, чтобы принести не заработанные доходы своему владельцу, торговец, идущий в свой офис, или ремесленник, идущий на свою работу, должны обходить ее либо платить плату за проход. Люди теряют свой шанс пользования землей, город и государство теряют свои доходы от налогов, которые нарастают бы, имей место более естественная ситуация, а пока же монополист на землю может просто сидеть спокойно и наблюдать с удовлетворением, как его собственность умножается, иногда во много раз, без какого-либо усилия либо вклада с его стороны. Это злостное явление влияет на все формы производственной активности. Муниципальные власти, желая иметь более широкие улицы, более хорошие дома, более здоровые, достойные, научно спланированные города, вынуждены теперь платить более, чем они платили за свои прошлые улучшения. Чем более власти благоустроили город, тем больше они вынуждены платить за каждый клочок земли, который они, возможно, захотят приобрести в целях дальнейших улучшений. Производственник, желающий открыть новое производство, желающий построить большое предприятие, которое даст занятость тысячам людей, должен заплатить за землю такую огромную цену, что она задушит весь его бизнес, - снижая его конкурентоспособность на рынках, мешая ему при экспорте более, чем любая из таможенных пошлин, и, через уменьшение прибыли производственника, снижая заработки рабочих. Таким образом, куда ни взгляни, какой пример ни возьми, мы увидим, что всякая форма активности, всякий шаг материального прогресса только тормозится, в то время как землевладелец снимает сливки исключительно для себя. Везде сегодня человек или общественная организация, если они хотят использовать землю более эффективным образом, должны платить огромную сумму землевладельцу, который вновь использует землю менее эффективно, в некоторых случаях и не использует вовсе. Все возвращается к стоимости земли,

и ее владелец имеет право взимать пошлину со всех других форм обогащения и производства”. Это были слова Уинстона Черчилля. Если вы посмотрите на историю главных экономических депрессий Америки, вы обнаружите, что каждой из них предшествовал период интенсивной земельной спекуляции, которая буквально взрывала всю экономику. В 1836, в 1857, в 1873, в 1893 и в 1929 гг. - в каждом случае экономический крах был спровоцирован разрывом земельного пузыря. Сферы влияния земельной монополии на экономику столь обширны, что не поддаются сомнению. Монополия на землю затрагивает не только ренту. Она влияет на заработки, цены, производство, стоимость управления, распределение покупательской способности. Она является главной причиной существования трущоб и нищих районов. Она является огромным и единственным стимулятором рождения революций по всему миру. Если бы не монополия на землю, большевики никогда не пришли бы к власти в России; Мао Цзэдун и его так называемые “аграрные реформаторы” (я намеренно использую этот термин) никогда бы не захватили власть в Китае; Фидель Кастро никогда бы не поднял восстание на Кубе. Из-за земельной монополии Эль-Сальвадор пережил десятилетия убийственной гражданской войны. Из-за земельной монополии огромные влажные леса Амазонки быстро уничтожаются переселенцами, которым в других местах за клочок земли ставили такие условия, что они просто вымерли бы от голода. Это лишь несколько наглядных примеров, взятых почти случайно. Из-за земельной монополии Латинская Америка и Ближний Восток являются опасными очагами напряженности, готовыми взорваться в любой момент. В США мы, возможно, еще не достигли этой стадии, но мы движемся в этом направлении. Как долго мы еще будем подпирать прогнившую структуру, противодействуя будущему? Теперь мы перейдем к тому, как все же Генри Джордж предлагал решить проблему собственности на землю. Говорил ли он, что землю в частной

собственности должно экспроприировать и поделить? Совсем наоборот. Это средство так же неэффективно, как и старо. В афоризме, что французская революция освободила крестьян от аристократов только для того, чтобы передать их ростовщикам, больше правды, чем вымысла, это же касается и земли, которую они возделывали. И так было всегда со всеми программами экспроприации и перераспределения. Согласно системе Генри Джорджа, собственники земли не будут потревожены ни на йоту. Ни один не будет экспроприирован. Вместо этого общество просто возьмет себе небольшую часть средств, в размере стоимости годовой аренды земли, для общественных целей. Эта стоимость будет определяться ценностью каждого участка на свободном рынке, а не правительственным декретом. Другими словами, привилегия монополизирования участка земли есть выгода, полученная от общества, и за нее общество должно получить полную компенсацию. Итак, согласно системе Джорджа, человек, который желает монополизировать участок земли, должен платить за нее обществу арендную плату, приближающуюся к 100% годовой стоимости ее аренды, без включения сюда усовершенствований. Позвольте мне особо выделить последнюю фразу, “ без включения сюда усовершенствований”. Владелец многоквартирного дома будет платить полную меру за его участок земли и ничего за его здание; владелец фабрики заплатит полностью за свой участок и ничего - за свою фабрику; фермер заплатит за землю и ничего - за свои сооружения или урожай, скот и машины; частный домовладелец заплатит за свой участок и ничего - за свой дом. Если данная земля не имеет рыночной стоимости, владелец не будет платить ничего; если она имеет стоимость, он будет платить вне зависимости от того, использует ли он ее сам или получает с нее доход. Такое положение, конечно, исключит все спекулятивные выгоды, получаемые от владения землей, выжмет “спекулятивную воду” из цен на землю и вновь возродит дух освоения, сделав дешевую землю доступной для

каждого, по крайней мере, первоначально. Результатом будет поднятие уровня производства, увеличение реальных зарплаток, стимулирование строительства и производительности. В конце концов расцветающая экономика приведет к тому, что цена использования превысит прежнюю спекулятивную цену, но плата за аренду, вместо того, чтобы накапливаться в карманах тех, кто не делает вклада в экономику, потечет в государственную казну, вместо налогов, налагаемых на труд и капитал. Плата за землю - это действительно “вклад суперпользователя”, по меткому выражению Уолта Райбека. За привилегию исключительного доступа и использования участка земли и его природных ресурсов владелец будет платить компенсацию тем, кто, таким образом, отчужден от владения, - компенсацию, отражающую рыночную стоимость его привилегии, собираемую посредством налогов и освобождающую от необходимости платить за муниципальные службы. Что может быть более справедливым? На самом деле, я осмелюсь сказать, что каждый из вас, возможно, не осознавая этого, часто платит какие-то деньги по принципу “платы суперпользователя”, владеете вы землей или нет. Каждый раз, когда вы опускаете деньги в кассу на автостоянке, вы приобретаете временную монополию на этот участок стоянки. Никогда не жалуйтесь за необходимость платить за государственные автостоянки - это для вас выгодная сделка. Вы получаете подарок от общества - размером в ту разницу в цене, которую взяла бы с вас коммерческая автостоянка поблизости! Я уже говорил о монополии на землю как о раковой опухоли, и это действительно так. Но все же часто земля не может быть использована эффективно, не будучи монополизированной. Средство, предложенное Джорджем, не способно удалить эту опухоль, а способно лишь превратить ее из злокачественной в доброкачественную, так как монополия на землю может быть справедливой и даже приветствоваться, если монополист платит обществу сумму, которая

достаточно полно отражает рыночную стоимость его привилегии. Здесь надобно отметить, что, когда экономисты говорят о земле, они говорят о природе в целом. Этот термин включает в себя не только пространство на поверхности земли, но и природные ресурсы - нефть и газ, древесину, диких животных, океаны и другие естественные водоемы, воздушные потоки, воздушное пространство и т.д. В целях сохранения для общества ценности этих природных богатств, плата за землю может в некоторых случаях дополняться или комбинироваться с другими видами платы, как например, налоги на отделение или акционирование права на аренду. Но принцип остается тем же. Не будь время ограничено, я бы мог говорить еще об отдельных преимуществах системы Джорджа. Я бы остановился подробнее на "канонах налогообложения" и показал бы, как они, лучше чем любой другой метод, реализуют на практике те идеальные критерии, которыми экономисты измеряют эффективность системы доходов общества. Я мог бы привести конкретные примеры того, как они работают сегодня в Дании, Австралии, Новой Зеландии, Таиланде и даже в некоторых частях США. Это не досужие мысли мечтателя, сидящего в кресле с послеобеденной трубкой во рту. Это было проверено практикой. Позвольте мне сослаться на доклад Хадчинсона - исследование, сравнивающее различные штаты Австралии по степени использования ими подхода Генри Джорджа. Оно подтверждает, что заработки, покупательская способность, темпы роста промышленности, объем розничных продаж, количество культивируемой земли, ценность усовершенствований на ней, прирост населения путем иммиграции из других штатов - в каждом случае имели прямую зависимость от пропорции доходов от аренды земли в совокупном годовом доходе штата. Я думаю, что это наиболее убедительный аргумент из тех, которые можно привести! Конечно, предложения Генри Джорджа нигде не были реализованы полностью. Даже

там, где они были реализованы в значительной мере, их положительный эффект был неизменно сглажен противоположно направленной политикой, часто на других уровнях правительства. Они не являются панацеей сами по себе. Чтобы они были полностью эффективными, их необходимо дополнить другими реформами, в частности, мерами стабилизации валюты. Но об этом можно сказать так: для работы всех других систем требуется еще что-то. Только эта система работает тогда и там, где ее применяют, и настолько хорошо, насколько широко она применяется. Я уверен, что сегодня она заслуживает применения в более широком, всеохватывающем масштабе. Никто, конечно, не утверждает, что она должна быть введена враз и немедленно. Наоборот, она должна вводиться небольшими этапами, чтобы избежать шока и неурядиц. И, как я совершенно убежден, к тому времени, когда система заработает в полную силу, годовой доход общества, собранный только от платы за землю, станет достаточным для покрытия всех законных общественных нужд. Возможно, это не является истиной для периода холодной войны, с ее тяжелейшей ношей стоимости ядерной защиты. Но с исчезновением этой ноши, а также необходимости социальных дотаций различных типов, в результате того, что эта система приведет к полной занятости и другим социальным усовершенствованиям, а также в результате некоторых других причин, осветить которые здесь я не могу из-за отсутствия времени, я действительно думаю, что мы сможем покончить с налогами на доход, на добавочную стоимость, на продажу, импорт и на все остальное. Если я слишком оптимистичен и платы за использование земли будут недостаточно, это все же не является аргументом против применения этого метода там, где это только возможно. Существует две вещи, которые не может делать государство, чтобы оставаться справедливым. Первое - брать для общественных целей то, что по праву принадлежит частным лицам или корпорациям. Второе - отдавать частным лицам или корпорациям

то, что по праву принадлежит обществу. Все богатство, которое произведено частным образом, по праву принадлежит частным лицам или корпорациям, и отнесение его к государству будет несправедливым. Но земельная рента производится обществом, и отдача ее частным лицам или корпорациям несправедлива равным образом. Тот, кто думает, что готов оправдать в принципе частную монополизацию земли, должен также быть готов оправдать в принципе махинации “твидового кольца” или “чайного купола” (Teapot Dome), не говоря уже о проделках Микаэла Милкена, Айвана Боуски и Чарльза Китинга. В заключение я приведу цитату доктора Вигго Старка, который в течение многих лет являлся членом кабинета министров Дании: “Что произвел я - мое. Все мое! Что произвел ты - твое. Все твое! Но что не произвел никто из нас, но что ценно нам обоим, по праву принадлежит всем нам сообща”(Выделено нами - А.П.). Это и есть ядро философии Генри Джорджа.....Я же думаю, что система налогообложения Г. Джорджа - это самая капиталистическая из всех систем. Первый признак капитализма, в отличие от социализма - не равенство и не избранность, а справедливость. Чем ближе система подходит к идеалу справедливости, тем она капиталистичнее. Действительно, противоречие состоит вот в чём. Государственный и муниципальный бюджеты должны пополняться. В то же время все виды государственного вмешательства в экономическую жизнь наносят вред экономике и обществу или поощряют и субсидируют одних за счёт других, как очень убедительно доказывает М. Ротбард в книге “Власть и рынок”. Теория Г. Джорджа разрешает это противоречие. Все виды государственного вмешательства в экономическую жизнь запрещаются конституционно кроме налога на землю. Вот что пишет Ротбард - Много места уделяется критике предложенного Генри Джорджем “единого налога” на земельную ренту. Хотя, на мой взгляд, эта доктрина

полностью ошибочна, джорджисты правы, когда утверждают, что в современных работах их важные утверждения и аргументы никогда не упоминаются и тем более никем не опровергнуты, но тем не менее во многих текстах джорджистские концепции молчаливо используются. Теория джорджистского налога слишком долго ждала детальной критики. “Многие защитники права государства на отчуждение собственности утверждают, что в конечном итоге ”общество“ имеет право использовать для ”своих“ целей любую землю. Они, сами того не подозревая, подтвердили истинность центрального пункта программы Генри Джорджа: каждый в силу факта рождения имеет право на пропорциональную часть Богом данной земли. Поскольку “общество” не является действующим субъектом, человек не может превратить это теоретическое право на пропорциональную долю земли в реальное право собственности. Поэтому право собственности на землю оказывается в распоряжении государства или тех, кому оно пожаловало эту привилегию.”Но если все виды государственного вмешательства в экономическую жизнь и лоббирование чьих бы то ни было интересов запрещаются конституционно кроме налога на землю, то государство лишается возможности жаловать кому бы то ни было какие бы то ни было привилегии. Ротбард -Аренда – это едва ли наилучшая форма использования земли. Если государство сдает государственные земли в аренду для выращивания скота или лесопользования, арендатор не заинтересован в поддержании ценности ресурсов, потому что они ему не принадлежат. Напротив, он заинтересован в том, чтобы как можно быстрее выжать из земли все, что можно. Следовательно, аренда также ведет к быстрому истощению природных ресурсов. А вот если бы все эти земли и ресурсы оказались в собственности частных лиц, то в интересах владельцев было бы максимизировать текущую стоимость каждого из ресурсов. Истощение ресурса ведет к падению его капитализированной стоимости на рынке.

Собственник вынужден находить оптимальный баланс между капитализированной стоимостью запаса ресурсов в целом и текущим доходом от их использования. При прочих равных этот баланс зависит от временного предпочтения и других предпочтений рынка. Если частное лицо не может быть ее собственником, баланс нарушается, и государство оказывается источником импульса, ведущего к сверхпотреблению ресурса. Не думаю, что эти доводы Ротбарда против системы Г. Джорджа можно считать убедительными. То, что Генри Джордж называет собственником земли, Ротбард называет арендатором. Предположим, человек огородил себе участок земли, построил там дом, подсобные постройки для сельского хозяйства и т. д. Навряд ли в его интересах будет выкачать всё из земли, потом сломать все постройки и переселиться в другое место. Несмотря на то, что он платит налог государству, он считает себя собственником этой земли, а не арендатором. Не думаю, что эти доводы Ротбарда против системы Г. Джорджа можно считать убедительными. То, что Генри Джордж называет собственником земли, Ротбард называет арендатором. Предположим, человек огородил себе участок земли, построил там дом, подсобные постройки для сельского хозяйства и т. д. Навряд ли в его интересах будет выкачать всё из земли, потом сломать все постройки и переселиться в другое место. Несмотря на то, что он платит налог государству, он считает себя собственником этой земли, а не арендатором. Ошибка Ротбарда вследствие того, что Г. Джордж дал, на мой взгляд неверное теоретическое обоснование своей системы (также, как гений дидактики В. Ф. Шаталов). Человек, владеющий землёй - её собственник, а не арендатор хотя бы уже потому, что имеет право её продать. Из того неоспоримого факта, что земля не должна находиться в собственности государства, не следует, что её нельзя облагать налогом. Система Г. Джорджа решает сразу несколько важных задач : Затрудняет владение землёй и это справедливо, так как количество земли на

планете ограничено. Пополняет государственный бюджет. Позволяет ликвидировать все остальные налоги. Заставляет владельца заботиться о своей земле и обо всём, что на ней произрастает, так как в случае продажи он должен получить за неё наивысшую цену. Психологически ошибка Ротбарда проистекает от того, что он источник всех бед видит в государстве. Хотя первопричина в тех, кто властвует над государственным аппаратом. Захват власти над государством облегчается как ИИММДБС (Искусственно Изуродованная Мировая Мошенническая Денежно Банковская Система), так и бесконтрольным владением землёй. Единственное разумное возражение против системы Г. Джорджа я вижу вот в чём. Если владелец многоквартирного дома в большом городе будет платить земельный налог, соответствующий рыночной цене земли, то стоимость квартир на съём очень возрастёт. Решение этой проблемы в том, что единственный, кто освобождается от налога на землю - это квартиросдатчик. Но только уже сданные квартиры. Не сданные облагаются налогом. Причём как в городе, так и в деревне. Думаю, что наилучшая Система Налогообложения такая, при которой налогом облагается только земля и ничто другое. $N = Pz * SPz$ (N - налог, Pz - площадь земли * SPz - степень плодородия земли или степень прибыльности земли в случае прииска). Как сделать, чтобы оценка площади земли и степени плодородия земли была объективной? При такой системе это самый главный вопрос. При такой системе налог для каждого землевладельца фиксирован и он не ждёт ни каких сюрпризов - это ещё одно преимущество такой системы налогообложения. Критерий оценки SPz должен быть совершенно ясным и недвусмысленным. Логика подсказывает, что при такой системе землевладельцу будет не выгодно сдавать землю в аренду. Он будет вынужден или возделывать её сам со своим семейством или нанимать рабочих. Тогда он вынужден заботиться о том, чтобы земля приносила наибольшую прибыль. То

есть, вынужден становиться специалистом в сельском хозяйстве, иначе ему будет невыгодно владеть землёй.**10.11.2009 в 17:31**

Ротбард, законная собственность и право на землю.

12.01.2010 в 17:26

Ротбард, законная собственность и право на землю. Чтобы у вас не сложилось впечатление, что я настроен против Ротбарда, хочу сообщить, что это один из самых уважаемых мной политэкономов XX века. Своим воззрением на МДБС я почти полностью обязан ему (см. ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ - КАК ГОСУДАРСТВО ЗАВЛАДЕЛО ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМОЙ ОБЩЕСТВА. Мюррей Ротбард <http://libertynews.ru/node/768>) Моё несогласие с ним состоит в том, что все виды государственного вмешательства в экономику, включая ИИММДБС (см. ВЛАСТЬ И РЫНОК: ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА <http://libertynews.ru/node/830>) он ставит на одну доску. Хотя приоритет на шкале вредности необходимо отдать ИИММДБС (см -5 ТЕМ В ОДНОЙ – СИИММДБС, МИРОВАЯ ДЕНЕЖНО-БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА <http://www.politforums.ru/economics/1246449474.html>) Современная Искусственно Изуродованная Мировая Мошенническая Денежно Банковская Система (ИИММДБС) - ЭТО МЫШЕЛОВКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА !) Теперь перейдём к теме, обозначенной в заголовке. Цитирую (см. -Этика Свободы <http://libertynews.ru/node/142>) “Вторая проблема, которая к тому же резко отделяет землю от другой собственности, состоит в том, что само существование средств производства, предметов потребления или такого предмета, как деньги, является по меньшей мере prima facie (Примеч. пер.: при отсутствии доказательств противного) демонстрацией того, что данные блага были использованы и преобразованы, что человеческий труд был смешан с

природными ресурсами для того, чтобы их произвести. Дело в том, что средства производства, предметы потребления и деньги не существуют в природе сами по себе; они должны быть созданы в результате изменения с помощью человеческого труда заданных природой условий. Однако любой участок земли, который дан по природе, возможно, никогда не был использован и преобразован; и, следовательно, любой существующий титул собственности на никогда не использованную землю должен был бы рассматриваться как недействительный. Дело в том, что мы уже видели следующее: титул на не принадлежащий никому ресурс (такой как земля) появляется правомерно только при затратах труда на преобразование этого ресурса ради использования. Таким образом, если какая-либо земля никогда не подвергалась преобразованию, то никто не может предъявлять законные притязания на собственность. Предположим, например, что г-н Грин законно владеет определенным количеством акров земли, и при этом северо-западный участок никогда не был преобразован из естественного состояния Грином либо кем-то еще. Либертарианская теория примет как морально обоснованное его притязание на остальную часть участка - при условии, как требуется по теории, что отсутствует поддающаяся опознанию жертва (либо что Грин сам не украл эту землю). Однако либертарианская теория должна признать неубедительными его притязания на северо-западный участок. Теперь, до тех пор пока не появится какой-либо "поселенец", который осуществит первоначальное преобразование этого северо-западного участка, никакой реальной трудности не возникает; возможно, притязания Брауна являются неубедительными, однако они также представляет собой всего лишь бессмысленное пустословие. Он еще не является преступным агрессором по отношению к кому-либо другому. Однако если появится иной человек, который на самом деле преобразует землю, и если Грин силой лишит его этой

собственности (или наймет других для этого), то Грин в этот момент становится преступным агрессором по отношению к земле, которая на справедливых основаниях являлась собственностью другого. То же самое было бы верным, если бы Грин использовал насилие, чтобы помешать другому поселенцу взяться за эту никогда не использовавшуюся землю и преобразовать ее, чтобы пользоваться ею. ?Таким образом, если вернуться к нашей ”модели“ с Крузо, то Крузо, высадившись на большом острове, возможно, громко возвестит лесам и долам о своей ”собственности“ на весь остров. Однако, согласно естественному факту, он является собственником только той части, на которой он поселится и которую преобразует, чтобы пользоваться ею. Или, как отмечено выше, Крузо может быть одиноким Колумбом, высадившимся на только что открытый континент. Но до тех пор, пока ни один человек не появится на сцене, притязания Крузо остаются в высшей степени пустым сотрясением воздуха и фантазией, не имеющей основания в естественном факте. Однако стоит пришельцу - Пятнице - появиться на сцене и начать преобразование неиспользуемой земли, и тогда любое принудительное выполнение недействительных притязаний Крузо стало бы составлять преступную агрессию против пришельца и нарушение законных прав последнего. Отметим следующее: мы не утверждаем, что, ради того чтобы собственность на землю был обоснована, ею нужно постоянно пользоваться. Единственное требование состоит в том, что земля должна быть введена в использование и, таким образом, стать собственностью того, кто смешал свой труд с ней, кто поместил отпечаток своей личной энергии на эту землю. И, после такого использования, остается не больше причин запрещать земле оставаться пустующей, чем лишать кого-либо собственности из-за хранения его часов в ящике письменного стола. ”Во-первых о тезисе Локка, который разделяет Ротбард -“что данные блага должны быть использованы и преобразованы, что

человеческий труд должен быть смешан с природными ресурсами для того, чтобы их произвести. Только тогда этот продукт может считаться собственностью индивида.”.Пример. Я брожу в горах нехоженными тропами и нахожу самородок золота. Весь мой труд, смешанный с природным ресурсом, состоит в том, чтобы поднять с земли и положить в карман. Тем не менее никто не будет сомневаться, что этот самородок принадлежит мне по праву (если это происходит не в тоталитарной стране). То есть, чтобы иметь право собственности на этот самородок, я, фактически, никакого труда не прилагаю.Теперь предположим, что правило, применённое к земле, выдвигаемое Ротбардом и которое он называет либертарианским -“что данные блага должны быть использованы и преобразованы, что человеческий труд должен быть смешан с природными ресурсами для того, чтобы их произвести. Только тогда этот продукт может считаться собственностью индивида.” записано в Конституции, а страна ещё не достаточно обжита. Я нахожу огромный участок земли с лесными массивами, пахотными землями, золотыми рудниками. Огораживаю его. Потом покупаю мини трактор. Неделю тружусь, чтобы перекопать всю землю, только для того, чтобы видно было, что смешал свой труд с землёй. Как доказать смешение труда с землёй в лесном массиве я не знаю. Но, допустим, валю несколько деревьев около изгороди. На рудниках тоже оставляю много следов своей работы. Вобщем, видно, что я всё это смешал со своим трудом. Допустим, на всё это мне понадобилось пол месяца (ещё члены семьи помогали). Теперь любой проверяющий сможет убедиться, что труд здесь приложен. Если он будет въедливо допытываться: где же результаты труда, то это уже будет вмешательством в мою личную жизнь. Теперь, по Ротбарду, новый пришелец не имеет права ступить на огороженную территорию, без моего разрешения.Таким образом, несмотря на то, что мой труд на этом участке - это профанация, только для того, чтобы за столбить этот

участок, он законно принадлежит мне, согласно Конституции. Теперь я уже ничего не делаю (ну, может быть только золотишка наковыряю), а просто жду года 2-3, пока он вырастет в цене, продаю его за бешенные деньги и тут же становлюсь миллиардером. Теперь предположим, в отличие от Ротбарда, что госаппарат, все-таки, необходим, но жёстко ограничен конституционно в своих функциях только силовым аппаратом (полиция и добровольная армия), комиссией по земельному налогу и казначейством. Суды присяжных находятся в ведении общества, а не государства. А государственный аппарат только выполняет постановления судов. Нет ни каких государственных судов, судей, прокуроров, адвокатов. Тогда вопрос налогов решается просто. Налог на землю - это единственный налог, а все остальные налоги отменены и запрещены конституционно. Теперь, после того, как я огородил вышеуказанный участок, мне не надо смешивать его со своим трудом. Я просто жду налоговую комиссию. Она, после тщательного обследования огороженной земли, устанавливает годовой налог на эту землю, который я должен уплатить тут же, не отходя от кассы. Если у меня есть такие деньги и я считаю, что это выгодное вложение, которое окупится с прибылью, я плачу и участок мой. Если же у меня нет таких денег, то я вынужден умерить аппетиты. Допустим, что из всей этой земли я решаю оставить себе только часть рудников, за которую я в силах тут же заплатить годовой налог. Тогда остальная, первоначально огороженная мной земля, остаётся бесхозной и на ней имеет право селиться любой желающий на тех же условиях. Если, например, возникает конфликт между мной и налоговой комиссией по вопросу оценки величины земельного налога, то арбитром в этом конфликте может быть только общество (то есть, тот же суд присяжных), а не государство. В соответствии с принципом - Государство - слуга народа, а не господин. При такой системе главные проблемы, на мой взгляд, такие : 1. Как обеспечить максимально возможную объективность

оценки величины налога комиссией.2. Как исключить возможность подкупа госслужащих. 3.Как минимизировать конфликтность этой процедуры.См. -ПМВССЗН - Принцип Максимально Возможно Справедливой Системы Земельного

Налогог.<http://www.politforums.ru/economics/1257863501.html>**12.01.2010** в **17:26**

Цитаты из Генри Джорджа.

—

04.04.2010 в 17:43

Цитаты из Генри Джорджа.Подвинув, таким образом, исследование, за пределы, у которых останавливались Адам Смит и следовавшие за ним писатели, мне кажется, я освободил назойливый тарифный вопрос от его наибольших трудностей и расчистил путь к окончанию спора, который, иначе, мог бы продолжаться неопределенное время. Достигнутые нами заключения придали и самой доктрине свободной торговли, вместо оскопленной формы, в какой проповедовали ее английские экономисты, ту полноту, в какой она представлялась предшественникам Адама Смита, - тем знаменитым французам, от которых ведет свое начало девиз *Laissez faire* и которые, при всей запутанности своей терминологии и ошибочности метода, усматривали, однако, основную истину, все время игнорируемую фритредерами.Короче, я стремился произвести настолько беспристрастное и полное исследование тарифного вопроса во всех его фазах, чтобы люди, для которых наш предмет представляет собой запутанный лабиринт, могли достигнуть ясных и твердых заключений. И я верю, что при этом мне удалось несколько сообщить движению, теперь трусливому, страстность и силу радикального убеждения; воспрепятствовать разделению на враждебные лагеря людей, которых должна соединять общая цель; придать усилиям к освобождению труда более

определенное направление и искоренить то верование в противоположность национальных интересов, которое побуждает народы, даже родственные по крови и языку, смотреть друг на друга, как на естественных врагов. Если не может, - то надо признать тогда покровительственную систему за обман и ловушку, ибо она, даже и не причиняя положительного вреда рабочим классам, развлекает внимание и разделяет силы. Чем скорее будет понято, что таможенные тарифы не могут поднять заработной платы, тем скорее люди, желающие поднять ее, найдут к тому какое-нибудь другое средство. Знание, каким образом что-либо не может быть сделано, есть первый шаг к знанию того, каким образом оно может быть сделано. Некоторым лицам наше предприятие может показаться слишком смелым и рискованным. В течение целого столетия ни один вопрос общественной важности не обсуждался столь многосторонне и настойчиво, как вопрос о покровительственной системе или свободной торговле. И тем не менее в наше время вопрос этот представляется столь же далеким от решения, как и в прежние времена. Многие прямо считают его за вопрос, по которому невозможно прийти к сколько-нибудь определенным заключениям, а большинство прямо видит в нем вопрос слишком сложный и темный для того, чтобы его могли понять лица, не прошедшие длинной школы. Да, это поистине безнадежный взгляд. Мы можем спокойно предоставлять многие отрасли знания ведению тех лиц, которые посвящают себя специальному их изучению. Мы можем без опасения принимать то, что химики говорят нам о химии, астрономы об астрономии, филологи о развитии языка и анатомы о внутреннем строении нашего тела. Ибо не только никакой денежный интерес не может извращать суждения в таких областях знания, но и обычные обязанности человека и гражданина не требуют специального их изучения. Огромная масса народа может иметь обо всем этом самое грубое представление и, однако, жить счастливой и полезной

жизнью. Иное дело вопросы, которые касаются производства и распределения богатства и потому имеют ближайшее отношение к благосостоянию и средствам существования людей. Разум, который один только может быть надежным руководителем в вопросах такого рода, должен быть тут разумом массы, ибо при решении этих вопросов общественное мнение, а не мнение ученого меньшинства, находит свое выражение в законодательстве. Тем не менее нелишне будет заметить, что общее одобрение какого-либо верования также в отношении многих верований, теперь признанных уже за безусловно ложные. Особенно же мало значения может иметь это одобрение в отношении теорий, опирающихся, подобно теории покровительства, на могущественные личные интересы. В истории человечества немало примеров того, как обеспечивалось признание за самыми чудовищными доктринами, именно, благодаря содействию специальных интересов, способных организовать и действовать сообща. И нам стоит лишь оглянуться вокруг, чтобы увидеть, как сильно влияет на образование общественного мнения и составление законов ничтожный специальный интерес и как слабо - интерес общий, хотя бы и крупный. Общее дело всегда есть ничье дело, и общий интерес ничей интерес. Два или три обывателя приморского города заметят, что постройка таможни или углубление гавани может помочь им набивать карманы; кучка владельцев серебряных рудников решит, что для них будет очень хорошим делом, если правительство станет складывать в запас ежемесячно серебра на несколько миллионов; строитель судов сообразит, что для него будет выгодно починка бесполезных броненосцев или постройка ненужных крейсеров, - и вот ничтожные личные интересы оттесняют на задний план крупные интересы всего народа. Кажется, ясно, что долговое обязательство, прямо исходящее от правительства, имеет, по меньшей мере, такую же цену, как обязательство, опирающееся на правительственную гарантию. Однако специальные интересы

оказались у нас достаточно сильными, чтобы установить и поддерживать смешанную систему денежного обращения, для которой нельзя указать иного основания, кроме выгоды нескольких лиц. Люди, специально заинтересованные в покровительственных тарифах, легко приходят к убеждению, что покровительственная система благодетельна для всех. Непосредственность их интереса дает им энергию распространять свои взгляды, а обладание обширными средствами (известно, что в покровительствуемых отраслях промышленности заняты крупные капиталы) и готовность при случае тратить деньги на распространение своих доктрин делают их способными оказывать огромное влияние на органы общественного мнения. Свободная торговля, напротив, не представляет никаких особенных выгод для какого-либо частного интереса, а при теперешнем состоянии общественной нравственности благодеяния или обиды, касающиеся всей массы народа, не чувствуются людьми так глубоко, как благодеяния или обиды, касающиеся кого-либо в отдельности. Факты, которыми мы должны пользоваться, и принципы, которые мы должны прилагать к делу, суть обыкновенные факты, известные каждому из нас, и принципы, признаваемые каждым в обиходной жизни. Исходя из посылок, относительно которых не может быть сомнения, нам нужно лишь в рассуждении быть внимательными к каждому нашему шагу, чтобы достигнуть вполне надежных заключений. Мы не можем производить опытов над человеческими обществами, как то возможно для химиков над веществами природы или для физиологов - над животными. Мы не можем также найти двух наций, сходных во всех отношениях, кроме одного, и приписываем затем какое-либо различие в их условиях присутствию или отсутствию единственной причины, не уверившись наперед в действии этой причины. Но воображение предоставляет в наше распоряжение метод исследования экономических проблем, который в известных пределах является

едва ли менее полезным, чем действительный опыт. Мы можем испытывать действие известных начал, умственно отделяя, комбинируя или выделяя условия. Позволю себе пояснить сказанное посредством примера, которым я уже пользовался однажды⁰⁰¹. Когда я был мальчиком, я ходил на набережную вместе с товарищем смотреть первый железный пароход, пришедший из-за океана в Филадельфию. Слышать о железном пароходе было для нас тогда чем-то вроде того, как слышать о свинцовом змее или о деревянной кухонной печке. Недолго мы побыли на палубе этого парохода, как мой товарищ заметил презрительным тоном: “Э! Я вижу, в чем дело. Он весь выложен деревом, потому-то он и плавает”. Я не мог в ту минуту возражать ему, но не удовлетворился его объяснением и, сойдя на берег, стал доискиваться истины, производя опыты в уме. Если бы плавать этому пароходу позволяло дерево внутри него, то в таком случае чем больше было бы в нем дерева, тем выше поднимался бы он из воды. И вот, в уме, я нагрузил его деревом. Но, будучи хорошо знаком с процессом изготовления лодок из деревянных чурок, я сразу заметил, что он погрузился бы глубже, а не поднялся бы выше. Затем, я мысленно выбрал из него все дерево, подобно тому, как мы выдалбливали наши деревянные лодки, и понял, что таким образом облегченный пароход поднялся бы еще выше. Затем, в воображении, я проделал в нем дыру, и понял, что вода устремилась бы в него, и он стал бы тонуть, как то бывало с нашими деревянными лодками, снабженными свинцовым килем. И таким образом я заметил столь же ясно, как если бы я на самом деле производил эти опыты над пароходом, что плавать ему позволяла не деревянная обшивка внутри его, а его пустота, или, как я выразился бы теперь, вытеснение воды. Ввиду этого я попрошу теперь читателя, до сего времени признававшего покровительственную теорию, рассмотреть те следствия, какие предполагаются по необходимости универсальным характером этой теории. Именно попытка

вникнуть в эти следствия привела меня к сомнениям в истинности самой теории. В течение нескольких лет, уже достигнув зрелого возраста, я тоже был протекционистом, или, вернее, воображал себя им, так как я принял это верование, не рассмотрев его толком, а принял, как все мы сперва принимаем наши верования, на основании одного авторитета других. Однако, насколько я думал о предмете, я был последователь. И когда Флорида и Алабама (крейсеры южан) топили в море американские суда, я думал об уничтожении последних, в конце концов, как о чем-то хорошем для того штата, в котором я жил, - для Калифорнии. Возраставшие риск и стоимость провоза через океан на американских судах (тогда единственный способ доставки товаров из Восточных штатов в Калифорнию), казалось мне, давали возникавшей промышленности Калифорнии как раз ту самую защиту от промышленности Восточных штатов, с их более низкой заработной платой и лучше устроенными промышленными предприятиями, которой она лишена была из-за постановления Федеральной конституции, запрещающего тарифы отдельных штатов. Полное значение такого рода соображений оставалось неясным для меня до тех пор, пока мне не пришлось слышать, как один способный человек старательно развивал покровительственную теорию. Он говорил, что американская промышленность должна быть ограждена от конкуренции чужестранной: что мы должны обрабатывать наше собственное сырье и не допускать до ввоза ничего такого, что мы можем производить сами. И тогда-то я понял, что эти предложения, если они справедливы, должны быть универсально справедливыми, что не только каждая нация должна отгородить себя от других наций, не только различные части сколько-нибудь значительной страны должны установить собственные тарифы для защиты своей промышленности от конкуренции других частей этой страны, но что каждое семейство должно последовать той же системе и отгородить себя от других

семей. И эти-то выводы побудили меня взвесить те аргументы, которые я принимал ранее без внимательного рассмотрения. Мне кажется невозможным размышлять о необходимо универсальном характере покровительственной теории и в то же время не сознавать, что она противна нравственному чувству людей и несовместима с той простотой и гармонией, которые мы всюду видим в естественных законах. Что мы подумали бы о человеческих законах, данных в руководство правительству какой-либо страны, если бы они побуждали каждое семейство держать настороже против каждого другого семейства, тратить большую часть времени и труда на предупреждение обмена с другими семьями и искать благоденствия, противодействуя естественным усилиям других семейств достигнуть благоденствия? А однако покровительственной теорией предполагается, что именно такие законы даны были Создателем семействам людей, которые населяют землю. Ею предполагается, что в силу общественных законов, столь же неизменных, как физические законы, каждая нация должна ревниво стоять на стороже против других наций и воздвигать искусственные препятствия к международному обмену. Ею предполагается, что федерация человечества, - подобная той, которая препятствует установлению тарифов между штатами Американского союза, - была бы бедствием для человеческого рода, и что в идеальном мире каждая нация была бы ограждена от всех других наций цепью собирателей пошлин с их сподвижниками: шпионами и доносчиками. Относительно происхождения такой мысли знаменательно, что она неизвестна среди дикарей. Не могла бы она возникнуть и среди цивилизованных людей, если бы их привычная торговля велась так же, как торговля дикарей. Не так давно, из дома в дом ходили торговцы особого рода, известные под именем "soap-fat men" - "сало-мыло", обменивавшие на мыло ненужное сало, которое накапливается у хозяек. При этой маленькой торговле, производившейся таким первобытным способом, никоим образом не могло бы

возникнуть привычки думать, что в прибыльной торговле ценность продаж должна превышать ценность покупок, ибо тогда явно было в интересе каждой стороны, чтобы ценность того, что она продает (или вывозит) была возможно меньше, а ценность того, что она покупает (или ввозит) была возможно больше. Однако, в цивилизованном общества эта форма торговли представляется лишь в исключительных случаях. Покупка и продажа, как мы освоились с ними в нашей повседневной жизни, являются не обменом товаров на товары, а обменом денег на товары, или товаров на деньги. Путаница в мыслях, зависящая от такого употребления денег, и дает начало верованию, будто народ должен богатеть от вывоза и беднеть от ввоза, - верованию, ради которого принесены были в жертву в кровавых войнах миллионы человеческих жизней и несметные богатства, и которое продолжает до нашего времени руководить политикой почти всех цивилизованных стран и ставить искусственные преграды мировой торговле. Такова в коротких словах история того берегающего труд орудия, которое изменяется в своих формах, начиная с раковин туземцев Африки и краснокожих индейцев до банковых или кредитных билетов, и которое так много делает для облегчения торговли, что без него была бы невозможна цивилизация. Роль, которую играет оно в общественной жизни и сношениях, настолько важна, его употребление в мысли, в слове и в деле настолько всеобщее, что очень легко могла возникнуть некоторая путаница в понятиях о нем. Мы не имеем нужды говорить о том заблуждении, будто процент проистекает от употребления денег, или о заблуждении, будто накопление денег обозначает собой накопление богатства, или о заблуждении, будто бумажные деньги не могут надлежащим образом выполнять своего назначения до тех пор, пока эквивалентное количество чеканной монеты не будет погребено в банковых подвалах (здесь заблуждается, конечно, сам Г. Джордж. Это вообще, наверное, главная его

ошибка, относящаяся к области Политэкономии. Даже полное осуществление его Великой земельной реформы не спасёт положения, если вместе с ней не осуществить реформу ДБС, а концепция Свободы торговли превращается в фикцию. - Ш. Э. , см.-.....); мы остановимся лишь на той путанице в мыслях, которая имеет отношение к международному обмену.?Система эта, которую Адам Смит, в своих нападках на нее, называл меркантильной системой политической экономии, рассматривала нации, как торговцев, конкурирующих друг с другом из-за денег, находящихся в мировом обороте, и добивалась обогащения государства путем привоза в него возможно большего количества золота и серебра и путем допущения возможно меньшего их вывоза. Ради этого стремились не только запрещать вывоз из страны драгоценных металлов, но также поощрять отечественное производство товаров, которые можно было бы продавать за границей, и устраивать всевозможные помехи тем же отраслям производства в чужих странах и колониях. Облагались тяжелыми пошлинами или подвергались абсолютному запрещению не только произведения иностранной промышленности, которые могли конкурировать с отечественными произведениями; облагался тяжелыми пошлинами или целиком запрещался под страхом дикого наказания смертью или изуродованием также вывоз сырых материалов, которые могли требоваться для иностранной промышленности. Мастерам запрещалось покидать родину, из опасения, чтобы они не научили иностранцев своему искусству; отечественная промышленность поощрялась субсидиями, установлением монополий, созданием искусственных рынков и нередко вывозными премиями и законами, обязывавшими пользоваться ее продуктами. Одним из примеров поощрений последнего рода был акт парламента, предписывавший хоронить покойников не иначе, как в шерстяных саванах, - образчик тупоумия, наряду с которым можно поставить только лишь

законы, облагающие американский народ налогами ради того, чтобы опускать в подземные кладовые ежемесячно по 2 000 000 долларов серебряной монеты, и удерживающие в казначействе без всякого употребления целые сотни миллионов золота. Однако та мысль, что деньгами, в собственном смысле, могут лишь быть золото и серебро, и что они, ввиду этого, имеют особую ценность, все же еще продолжает поддерживать аргументацию протекционистов⁰⁰³, а привычка отождествлять доход с продажей, а расход - с покупкой, образуемая благодаря нашим повседневным мыслям и разговорам, продолжает еще располагать людей к принятию политики, которая стремится к сокращению ввоза покровительственными тарифами. Привыкнув измерять прибыль торгового человека излишком его продаж над покупками и приняв вывоз страны эквивалентным продаже торговца, а ее ввоз - его покупкам, люди легко приходят к заключению, что государство ведет тем более прибыльную торговлю, чем больше его вывоз и чем меньше его ввоз⁰⁰⁴.

?ГЛАВА XX
Отмена покровительства

Наше исследование в достаточной мере показало все ничтожество и нелепость покровительственной системы. Теперь нам остается только рассмотреть один довод, который всегда выставляется в пользу покровительства, когда не оказывается для него других оправданий. Довод этот заключается в том, будто было бы несправедливо и жестоко сразу отменить покровительственные пошлины, ибо лишь опираясь на покровительственный тариф, вкладывались в известные дела капиталы и организовалась промышленность. Что сокращение покровительственных пошлин, ввиду этого, должно совершаться постепенно и медленно, - признается и проповедуется даже людьми, которые вообще являются самыми сильными противниками покровительства. Тем не менее довод этот не выдерживает критики. Если покровительство несправедливо, если оно есть нарушение равенства прав, дающее некоторым гражданам власть облагать

налогами других граждан, то в таком случае все, кроме его полной и немедленной отмены, будет лишь продолжением несправедливости. Никто не может приобрести законного права обижать других; никто не может предъявлять прав собственности на привилегию. Допускать, что привилегии, опирающиеся на законодательный акт, не могут быть во всякое время уничтожены законодательным актом, значит отдавать себя во власть той нелепой доктрины, которая доведена до чудовищных размеров Великобритании. Там прямо утверждают, что синекуры не могут быть уничтожены без выкупа их у владельцев и что наследственная передача привилегии жить на чужой счет есть священное право индивидуума. Истинная доктрина выражена в нашей Декларации независимости, и мы не должны ни на йоту отступить от нее. Она признает, что люди одарены Творцом равными, неотчуждаемыми правами, и что всякий закон или учреждение, отрицающие или уничтожающие это естественное равенство (во избежание недоразумений и недопонимания, стоит заменить выражение “естественное равенство” на выражение “естественное равноправие”, то есть, перед судом народа все равны - Ш. Э.), могут быть во всякое время изменены или уничтожены. И едва ли можно теперь дать более полезный урок капиталистам всюду на свете, как показавши им, что лишь справедливость есть основа надежного помещения капитала, и что человек, который ведет промышленное дело, опираясь на невежество или порабощение народа, ведет это дело на свой страх и риск. В своих обычных выражениях тарифный вопрос при существующих общественных условиях представляется то одной, то другой стороной щита; и люди, видящие либо правую, либо левую сторону его и закрывающие глаза перед другой стороной, могут с одинаковым правом держаться прямо противоположных мнений. И мы пойдем, когда разовьем теорию, обнимающую все факты, что различие между этими людьми не без основания

может быть выражено, как различие между людьми, исключительно рассматривающими теорию, и людьми, исключительно рассматривающими факты. Мы поймем также, когда разовьем эту теорию, почему честные люди в вопросе о покровительстве или свободной торговле разошлись в диаметрально противоположные стороны и почему защитники той и другой политики были нерасположены приблизиться к пункту, где честные различия мнений могли бы быть согласованы. Ибо мы достигли теперь того места, где Огайо тарифного вопроса впадает в Миссисипи великого общественного вопроса. Нас не должно удивлять то обстоятельство, что обе стороны останавливались в своем споре, не доходя до этого пункта. Ибо ожидать сколько-нибудь полного обсуждения общественного вопроса от состоятельных классов, представляемых Кобденским клубом и Американской ассоциацией железо- и сталепромышленников, или от их защитников на профессорских кафедрах было бы также разумно, как искать сколько-нибудь полного обсуждения вопроса о личной свободе в спорах рабовладельцев-прогрессистов и рабовладельцев-демократов пятидесятых годов или в речах проповедников, получавших от них жалованье.

ГЛАВА XXII

Практическая несостоятельность свободной торговли

Мы уже видели, каким образом отмена покровительственной системы могла бы оказать возбуждающее действие на производство, ослабить монополии и устранить великую причину испорченности администрации. “Но была ли бы она, - могут спросить нас, - благодетельна для рабочих людей? Возросла ли бы заработная плата?” да, на некоторое время и до известного размера - возросла бы. Ибо подъем промышленной энергии, который явился бы следствием избавления от мертвого груза пошлин, на некоторое время усилил бы спрос на труд и сделал бы работу более постоянной. Рабочие в тех занятиях, где они могут устраивать союзы, получили бы возможность добиться сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, как то и было в Англии во многих отраслях

промышленности при отмене покровительственного тарифа. Тем не менее, даже при полной отмене покровительства, нельзя было бы предсказать сколько-нибудь общего и постоянного повышения заработной платы или сколько-нибудь общего и постоянного улучшения в положении рабочих классов. Как бы ни было велико и благотельно действие отмены покровительства, но оно, по природе своей, всегда будет оставаться подобным действию тех изобретений и открытий, которые в наше время могущественно увеличивали производство богатства, но нигде, в сущности, не повышали заработной платы и нигде сами по себе не улучшали положения рабочих классов. В этом-то обстоятельстве и заключается причина бессилия свободной торговли, обычно признаваемой и проповедуемой. Рабочий спрашивает защитника свободной торговли: “каким образом предлагаемая вами реформа будет полезна для меня?” И защитник свободной торговли может лишь ответить: “она увеличит богатство и понизит цену товаров”. Но уже и в наше время рабочий видел громадный рост богатства, и тем не менее не чувствовал себя участником в этом благе. Он видел огромное понижение цены товаров, и тем не менее сознавал, что ему от этого не становилось легче жить. Пред его глазами - Англия, где с некоторого времени правительственный тариф уже заменен фискальным. Однако он видит там рабочих униженных и плохо оплачиваемых, видит общий уровень заработной платы более низкий, чем тот, какой преобладает у нас; и он понимает, что те улучшения, какие были сделаны там со времени отмены покровительственной системы, во всяком случае следует приписывать не этой отмене, а рабочим союзам, обществам трезвости, благотворительным обществам, эмиграции, народному образованию и тем законодательным актам, которыми регулировался труд женщин и детей, равно санитарное состояние фабрик и заводов. А потому рабочий, хотя бы он и сознавал с большей или меньшей силой лицемерие промышленных съездов и

синдикатов, требующих таможенных пошлин “для покровительства американскому труду”, все-таки крепко держится заблуждений покровительства или, по меньшей мере, не делает никаких усилий, чтобы избавиться от них. Не заблуждения эти сильны, а слаб призыв свободной торговли к рабочему. Значительная часть американских рабочих, - по крайней мере из числа более образованных и влиятельных, - прекрасно понимает, что “покровительство” ровно ничего не делает для них; но они не думают также, чтобы и свободная торговля что-нибудь сделала для них. И потому они смотрят на тарифный вопрос, как на вопрос, лишенный практического значения для рабочих. Они относятся к нему безразлично, а это для покровительствуемых интересов почти так же желательно, как полная вера в покровительство. Ибо когда какой-либо интерес уже получает выражение в законе и привычках мысли, тогда не стоять против него - значит стоять за него. Одного доказательства, что отмена покровительственной системы повела бы к увеличению всей совокупности богатства, еще недостаточно, чтобы создать силу, необходимую для ниспровержения покровительства. Надо также еще доказать, что отмена покровительства вела бы к улучшению в положении народных масс. Не будем спрашивать, каким образом может последовать обновление от более сильных продуктов деревенской жизни, когда переписи указывают на все большую и большую степень концентрации народонаселения в городах, и когда проселочные дороги до самых отдаленных границ переполнены бродягами. Я перепечатаваю эту заметку, как образчик признания того очевидного факта, что в Соединенных Штатах становится все трудней и трудней снискивать себе пропитание человеку, который может рассчитывать лишь на свои силы, как образчик признания, которое делается даже людьми, формально отрицающими самый факт. А факт этот не только разбивает предположение, будто наш покровительственный тариф повышает и

поддерживает заработную плату, но делает также невозможным и предположение, будто отмена покровительства могла бы изменить каким-либо образом ту тенденцию, которая, вместе с ростом богатства, усиливает борьбу за существование. Эта тенденция проявляется всюду в цивилизованном мире и возникает благодаря большей неравномерности в распределении, которой всюду сопровождается рост богатства. Как могла бы повлиять на нее отмена покровительства? Самое худшее, что можно сказать о покровительстве, сводится к тому, что им несколько усиливается эта тенденция. И самое лучшее, что тенденция эта была бы несколько сдержана. В Англии эта тенденция не перестала обнаруживаться и после отмены покровительственной системы, невзирая на серьезное воздействие других факторов, стремившихся облегчить и возвысить положение народной массы. Усилившаяся эмиграция, большее распространение образования, рост рабочих союзов, санитарные улучшения, более правильная организация благотворительности и правительственное урегулирование труда и его условий, за все это время должны были непосредственно вести к улучшениям в положении рабочих классов. Тем не менее нужда сохранила свои ужасающие размеры, а контраст между бедностью и богатством сделался даже более резким. Противники хлебных законов думали сделать голод невозможным, тем не менее и спустя долгое время после отмены этих законов смерть от голода продолжает еще фигурировать в статистических таблицах страны, изобилующей богатством. В то время, как статистики выставляют ряды цифр, доказывая ими, к великому удовольствию людей, живущих в роскоши, что бедный Лазарь все богатеет и богатеет, протестантское духовенство величайшего и богатейшего в мире города провозглашает в своей "Горькой жалобе отверженцев Лондона": "Мы строим церкви, ищем утешения в нашей религии и воображаем, что наступило тысячелетнее царство Христа; между тем бедняк становится беднее,

несчастный еще более жалким, и человек безнравственный - более испорченным. С каждым днем расширяется пропасть, отделяющая наш низший класс от наших церквей и часовен и от всех приличий и порядков цивилизованной жизни. Конечно, можно было бы подобрать ряд таких фактов, которые, по-видимому, приводили бы к противоположным заключениям. Но какое значение имели бы они? Мы просто жили бы одними иллюзиями, если бы вообразили, что все факты такого рода, вместе, составляют хотя бы одну тысячную часть того, что должно бы было иметь место на самом деле. Мы не должны закрывать глаз перед действительностью, а она невольно ведет к заключениям, что этот ужасный поток греха и нищеты одолевает нас. И поток этот с каждым днем становится все шире и глубже”.. Как могла бы повлиять на нее отмена покровительства? Самое худшее, что можно сказать о покровительстве, сводится к тому, что им несколько усиливается эта тенденция. И самое лучшее, что тенденция эта была бы несколько сдержана. Стоит только поговорить с самыми заурядными приверженцами покровительства, следя более за ходом их мысли, чем за их аргументацией, чтобы убедиться в том, что за доводами, служащими для оправдания покровительства, всегда кроется нечто такое, что придает этой доктрине жизненность, невзирая на ту легкость, с какой могут быть разбиты ее основания. В сущности, заблуждения покровительственной системы получают свою действительную силу от одного великого факта, являющегося для них тем же, чем была земля для мифического Антея, так что они, если и ниспровергаются, то только лишь для того, чтобы подняться с новой силой. Факт этот не дала себе труда выяснить ни та, ни другая из спорящих сторон: приверженцы покровительства - спокойно пользуются им. Тем не менее факт этот из всех общественных фактов - наиболее очевидный и важный для рабочих классов. Он заключается в том, что лишь только общество достигает

известной ступени развития, как работников, ищущих занятия, оказывается более того числа, какое может найти занятие. Получается излишек рабочих, который, при повторяющихся периодах промышленного застоя, достигает весьма значительной цифры. Потому на возможность работать начинают смотреть, как на привилегию, а работа в народной мысли представляется, как благо, сама по себе. Вот этот-то факт, а не натянутые аргументы протекционистов и корыстные интересы промышленников, является истинным источником силы покровительственной доктрины. За теми привычками, о которых я говорил, как о располагающих к принятию заблуждений покровительственной системы, кроется одна еще более важная, - привычка говорить и думать о работе, как о милости. Покровительственная система, как мы видели, приводит к тому, что уменьшается способность страны к добыванию богатства, уменьшается тот результат, который может получаться от данного количества труда. Она "доставляет больше работы" в том самом смысле, в каком фараон доставлял больше работы евреям, когда отказывал им в соломе; в том смысле, в каком пролитие сала на пол доставляет больше работы хозяйке, или дождь, смочивший сено, доставляет больше работы крестьянину. Люди, воображающие, будто они могут уничтожить народное пристрастие к протекционизму, доказав, что покровительственные тарифы делают необходимым большее количество труда для достижения того же результата, игнорируют тот факт, что во всех цивилизованных странах, достигших известной ступени развития, большинство населения состоит из лиц, которые не могут работать самостоятельно и оказываются в беспомощном положении, когда никто не дает им работы; что масса, ввиду этого, обыкновенно смотрит на труд, как на нечто желательное само по себе и на все, прибавляющее работы, - как на благодеяние, а не как на зло. Таким образом возникает чувство, что человек, который дает работу другому, есть его

благодетель, - чувство, которое из всех сил поддерживали своим учением о капитале, дающем занятие и содержание труду, даже те экономисты, которые боролись с народными заблуждениями, проистекавшими из этого чувства. Чувство это разделяется всеми классами общества и кладет свой отпечаток на все наши мысли и разговоры. Всякий, читающий наши газеты, не может не заметить, что любое известие о новой постройке или проектированном предприятии какого-либо рода обыкновенно сопровождается у нас заключением, что, благодаря этой постройке или предприятию получить работу такое-то количество народу. Всегда такого рода доставление работы признается печатью за благодеяние для общества, к которому все должны относиться с признательностью. Чувство это, сильное среди рабочих, еще сильнее среди предпринимателей. Богатый фабрикант, железопромышленник, судостроитель, говорит и думает о людях, которым он дает работу так, как будто, на самом деле, он давал им нечто, обязывающее к благодарности. Предприниматели всегда склонны бывают думать, и в большинстве случаев так и думают, что рабочие, устраивая союзы с целью добиться повышения заработной платы и сокращения рабочих часов или стремясь так или иначе поставить себя в положение свободнодоговаривающейся партии, поднимают свою пятую на того, кто кормит их. Тогда как на самом деле очевидно, что рабочие отдают хозяевам ценность большую той, какую получают от них, ибо иначе хозяева не богатели бы от труда своих рабочих. Такие понятия сами по себе могут быть тем, чем называет их Самнер: “жалкими заблуждениями, противными здравому смыслу”; тем не менее они возникают из признания действительно существующих отношений. Возьмите самые нелепые из них. Сожжение города, без сомнения, означает собой уменьшение всей совокупности богатства, расточение его. Но разве менее реально то расточение, которое предполагается праздностью людей, готовых работать над постройкой

города? Где каждый, нуждающийся в работе, легко находил бы ее, там, действительно, было бы ясно, что пребывание в праздности заключенных, призреваемых или богачей должно уменьшать заработок трудящихся; но где сотни тысяч людей терпят лишения из-за невозможности найти работу, там работа людей, которые могут существовать без труда или которых можно содержать в праздности, неизбежно представляется чем-то вроде отнятия возможности трудиться у людей, которые всего более нуждаются в работе или всего более заслуживают ее. И эти “несчастные заблуждения” до тех пор будут сохранять свою власть над умами людей, пока не будет дано сколько-нибудь удовлетворительного объяснения тем явлениям, которые превращают в милость позволение трудиться. Фритредеры самнеровского типа в своих попытках искоренить протекционные идеи, игнорируя эти факты, будут всегда приходить к самым жалким результатам. То, что они принимают за отдельные растеньица, которые при достаточном усилии легко вырвать, в действительности представляет из себя отпрыск дерева, корни которого простираются до самых основ общества. И политическая экономия, не заходящая глубже признания общественным злом установление покровительственного, вместо фискального, тарифа, и, за ничтожными исключениями, оправдывающая существующий порядок вещей, будет всегда противна инстинктам народной массы. Сказать рабочим, как говорит профессор Самнер, что “принцип рабочих союзов есть такая же ложь, как принцип протекционизма”, значит лишь расположить их к протекционизму. Ибо рабочие могут не понимать влияния протекционизма, но влияние рабочих союзов им хорошо известно. Они прекрасно знают, что союзы эти подымали заработную плату во многих занятиях и что одни только эти союзы давали рабочим классам возможность сопротивляться силе конкуренции, которая, не будучи сдерживаема, довела бы их до максимума работы за минимум

вознаграждения. Та теория свободной торговли, которую развивает профессор Самнер, которая проповедуется в Англии и которая пыталась выступить против протекционизма в Соединенных Штатах, может лишь усиливать протекционизм всюду, где рабочие классы обладают политической властью. Вопрос, который на предстоит решить для объяснения того, почему свободная торговля, сберегающая труд изобретения или иная какая-либо подобная причина не производят того общего благодеяния, какого мы, естественно, могли бы ожидать от них, - есть вопрос, касающийся распределения богатства. Если возрастающее производство богатства не приводит к соответственным благодеяниям для рабочих классов, то это может зависеть лишь от того, что оно сопровождается возрастанием неравенства в распределении. Я потому уподобил трудящихся человеку, которые подвергается ряду грабежей, что во всех странах существуют, помимо частной собственности на землю, также и другие факторы, подрывающие народное благосостояние и передающие богатство, создаваемое трудящимися, в руки непроизводителей. Таковы промышленные и торговые монополии, покровительственные тарифы, плохие системы денежного обращения и финансов, развращенность администрации, государственные долги, постоянные армии, войны и приготовления к ним. Но эти факторы, хотя влияние их местами и очень заметно, не объясняют нам той бедности рабочих классов, какую мы можем видеть повсюду. Все эти факторы можно уподобить первым разбойникам, которых встречает наш бедняк; отогнать их значило бы лишь увеличить долю последнего разбойника. Это для владельца гораздо более удобная форма рабства. Ему уже нечего возиться со своими рабами, ему уже не надо понуждать их кнутом к работе, заковывать, предупреждая побег, или разыскивать беглых собаками особой породы. Он уже не заботится более о том, чтобы они питались надлежащим образом в детстве, имели уход в болезни,

опору в старости. Пусть они живут в лачугах, пусть они работают больше и едят хуже, чем у какого-нибудь жестокого владельца человеческих тел, - совесть его не будет страдать и общественное мнение не осудит его. Короче, лишь только общество достигает того пункта развития, когда возникает ожесточенная конкуренция из-за пользования землей, право собственности на нее начинает давать больше выгод, при меньшем риске и тревогах, чем право собственности на людей. Если бы те два молодых англичанина, о которых я говорил, приехавши сюда, купили на свои деньги американских граждан, то они не могли бы получать с них такой доли из производимого их трудом, какую они получают теперь, купивши земли, охотно снимаемые американскими гражданами под обработку из-за половины жатвы. Точно также, - позволяй это наши законы, - было бы безрассудно для какого-нибудь английского герцога или маркиза приезжать в Америку и законтрактовывать там десяток тысяч американских младенцев, рожденных или еще только имеющих родиться, в надежде получать с них огромный доход, когда они будут в состоянии работать. Ибо купив или отгородив миллион акров земли, которая не может убежать, которую не нужно ни кормить, ни воспитывать, он мог бы через двадцать или тридцать лет иметь десять тысяч взрослых американцев, готовых отдавать ему половину всего, что будет производить их труд на его земле, за привилегию существовать самим и содержать свои семейства из другой половины производимого ими. Он стал бы получать с них больше продуктов труда, чем сколько он мог бы вытребовать с такого же количества рабов. А с течением времени, когда число американских граждан еще более увеличилось бы, его право собственности на землю привело бы к тому, что еще большее число людей стало работать на него и за меньшую плату. Спекуляция этого предпринимателя на землю стала бы спекуляцией на рост людей в такой же мере, как если бы он покупал детей и законтрактовывал младенцев, еще не

имеющих родиться. Ибо если бы в Америке перестали родиться дети и перестали расти люди, то и его земля не получила бы цены. И прибыль от такого предприятия обуславливалась бы не ростом земли или не увеличением ее плодородия, а лишь ростом народонаселения. Другими словами, мы могли бы оставить землю, уже занятую, в ненарушимом владении ее теперешних собственников, а землю свободную могли бы предоставить к услугам всякого, кто пожелал бы владеть ею. Мы должны бы были настоять лишь на одном условии, чтобы люди, так или иначе владеющие землей, уплачивали обществу надлежащую ренту за свою исключительную привилегию, - то есть ренту, основывающуюся на ценности привилегии, какую индивидуум получает от общества, когда ему предоставляют исключительное пользование известным количеством общей собственности, и не имеющую никакого отношения к улучшениям, которые он делает в земле, или доходу, зависящему от расходования им труда и капитала. Таким путем были бы установлены равные для всех права на владение и пользование теми естественными элементами, которые, несомненно, суть общее наследие людей, и та ценность, которую получает земля не от труда лица, владеющего ею, а от роста общества, стала бы доставаться обществу и могла бы быть употребляема на общепользные идеи. Как говорил об этом Герберт Спенсер: "Доктрина такого рода вполне совместима с наивысшим состоянием цивилизации; может быть осуществлена без введения общности имуществ и не ведет к сколько-нибудь серьезному перевороту в существующих порядках. Требуемая перемена была бы просто переменой собственников земли. Отдельная собственность была бы поглощена соединенной собственностью всего народа. Вместо того, чтобы быть во владении индивидуумов, страна сделалась бы собственностью великого корпоративного целого, - общества. Положение дел, созданное таким образом, находилось бы в полной гармонии с нравственным законом. Все люди

сделались бы тогда одинаково собственниками земли, все люди одинаково могли бы пользоваться землей. И понятно, при такой системе земля могла бы быть отгораживаема, занимаема и обрабатываема с полным соблюдением закона равной свободы. Возражение это, как бы то ни было, основывается на ошибочном представлении, будто нужно сделать что-то разом. Однако нередко случается, что пропасть, из которой нельзя ни выкарабкаться по скалам, ни выбраться при помощи лестниц, имеет выход по легкой и удобной дороге. Так и в этом случае открывается для нас удобная дорога, по которой мы можем уйти так далеко, что будет рукой подать до той цели, к какой мы стремимся. Чтобы сделать землю по существу общей собственностью всего народа и употреблять земельную ренту на общую пользу, есть путь гораздо более простой и легкий, чем отбирать формально права собственности на земле и затем сдавать ее участками, - путь, на котором не может быть никаких столкновений, который вполне подходит к теперешним обычаям и который не только не потребует какого-либо осложнения правительственного механизма, а даже даст возможность значительно упростить существующий. Во всякой более или менее развитой стране на общественные надобности расходуются огромные суммы, причем суммы эти с ростом общества возрастают не только абсолютно, но и относительно, так как общественный прогресс постоянно стремится передавать в ведение общества, в его целом, те функции, которые при неразвитом состоянии общества считаются достоянием индивидуумов. И народ, хотя не привык платить ренту правительству, привык платить правительству налоги. Из налогов некоторые падают на движимую собственность, некоторые - на занятия или на лиц (как при подоходном налоге, который, в сущности, есть налог на лиц, сообразно с их доходом); некоторые - на перевозку или на обмен товаров, каковы таможенные пошлины; а некоторые, - в Соединенных Штатах, по крайней мере, - на недвижимую

собственность, то есть, на ценность земли и вложенного в нее капитала, вместе взятых. Та часть налога на недвижимость, которая падает на земельную ценность, помимо улучшений, сделанных в земле или на земле, по своей природе есть не налог, а рента: в этой части налога берут в пользу общества часть того дохода, который принадлежит, - в силу равного права всех на пользование землей, - собственно обществу. И чтобы взять в пользу общества весь доход, который приносит земля, с такой же точностью, с какой можно было бы взять его, формально отобрав землю и затем сдавая ее, очевидно, нужно было бы лишь отменить один за другим все налоги, собираемые теперь, и увеличить налог на земельные ценности в такой мере, чтобы он достигал по возможности полного размера годичной ценности земли. С достижением этого пункта теоретического совершенства продажная цена земли совершенно утратилась бы, и повинности, возлагаемые обществом на индивидуумов за пользование общей собственностью, сделались бы и по форме тем, что они есть по своей сущности - рентой. А пока еще не был бы достигнут этот пункт, рента могла бы быть собираема посредством увеличения того уже существующего во всех наших штатах налога, каким облагается (в системе прямых налогов) продажная ценность земли, независимо от улучшений - ценность, которая может быть определяема с большей легкостью и точностью, чем всякая другая ценность. Таким образом была бы уничтожена великая причина неравномерного распределения богатства и был бы положен конец той односторонней конкуренции, которая лишает благоденствий прогрессирующей цивилизации людей, обладающих лишь способностью трудиться, и гонит к минимуму заработную плату, невзирая на рост богатства. Труд, когда ему открыли бы доступ к естественным элементам производства, перестал бы быть неспособным к самостоятельной деятельности, а конкуренция, начав обнаруживать свое действие между нанимателями с такой же полнотой и

свободой, как между нанимаемыми, стала бы подымать заработную плату до размера, который на самом деле представляет из себя ее естественную норму - до полной ценности производимого трудом, - и стала бы удерживать ее на этой норме.?Но признав свободу торговли, логически было бы уже невозможно остановиться на упразднении таможен. Ее принцип столь же применим к внутренней, как к внешней торговле, и в своем истинном значении свобода торговли требует отмены всех внутренних налогов и пошлин, падающих на куплю, продажу, перевозку или обмен, на совершение каких-либо сделок или на занятие каким-либо делом, кроме пошлин или налогов, устанавливаемых в интересе общественной безопасности, здоровья или нравственности.?Это с чрезвычайной ясностью сознавали те великие французы, которые в прошлом столетии впервые подняли знамя свободной торговли. То, что предлагали они, представляло из себя не просто замену покровительственных пошлин фискальными, а полное уничтожение всех налогов, прямых или косвенных, кроме единственного налога с ценности земли, - l'impôt unique. Они понимали, что это объединение налогов означало бы собой не просто освобождение торговли и промышленности от гнетущего их бремени, но означало бы также полную перестройку общества, - возвращение всем людям их естественных и равных прав на пользование землей. Только лишь понимая это, могли они говорить о предложенной ими реформе в выражениях, которые были бы крайним преувеличением, если бы они относились к чисто фискальным переменам, каким бы то ни было благодетельным, - уподобляя эту реформу, по ее важности для человечества, тем основным изобретениям, которые дали первый толчок к развитию цивилизации, - употреблению монеты и введению письменных знаков.И всякий, кто вникнет, к каким великим благодеяниям для человечества должна была бы повести та мера, которая, освободив от всех ограничений производство богатства, установила бы справедливое

распределение его, поймет, что эти великие французы были далеки от преувеличения. Истинная свобода торговли была бы освобождением трудящихся. Вот два простых принципа и каждый из них очевиден: I - Все люди имеют равное право на владение и пользование теми элементами, которые доставляет природа. II - Каждый человек имеет исключительное право на владение и пользование тем, что произведено его трудом. Между этими принципами нет никакого противоречия. Напротив, они дополняют друг друга. Чтобы вполне охранять индивидуальное право собственности на продукт труда, мы должны признавать элементы природы общей собственностью. Если бы кто-нибудь, выставив себя собственником солнечного света, мог требовать с меня платы за то участие, какое принимает солнце в росте хлеба, посеянного мною, то чрез это неизбежно нарушилось бы мое право собственности на производство моего труда. И обратно, где за каждым обеспечено полное право собственности на произведения его труда, там никто уже не может иметь какого-либо права собственности на то, что не является производением труда. При проведении в жизнь этих принципов не встретилось бы никакой реальной трудности, - все равно как бы ни была сложна промышленная организация и каких бы высоких ступеней ни достигала цивилизация. Все, что нам пришлось бы сделать, так это признать землю соединенной собственностью всего народа, как железная дорога признается соединенной собственностью множества акционеров или пароход - соединенной собственностью многих владельцев. Другими словами, мы могли бы оставить землю, уже занятую, в ненарушимом владении ее теперешних собственников, а землю свободную могли бы предоставить к услугам всякого, кто пожелал бы владеть ею. Мы должны бы были настоять лишь на одном условии, чтобы люди, так или иначе владеющие землей, уплачивали обществу надлежащую ренту за свою исключительную привилегию, - то есть ренту, основывающуюся

на ценности привилегии, какую индивидуум получает от общества, когда ему предоставляют исключительное пользование известным количеством общей собственности, и не имеющую никакого отношения к улучшениям, которые он делает в земле, или доходу, зависящему от расходования им труда и капитала. Таким путем были бы установлены равные для всех права на владение и пользование теми естественными элементами, которые, несомненно, суть общее наследие людей, и та ценность, которую получает земля не от труда лица, владеющего ею, а от роста общества, стала бы доставаться обществу и могла бы быть употребляема на общепользные идеи. Как говорил об этом Герберт Спенсер: "Доктрина такого рода вполне совместима с наивысшим состоянием цивилизации; может быть осуществлена без введения общности имущества и не ведет к сколько-нибудь серьезному перевороту в существующих порядках. Требуемая перемена была бы просто переменой собственников земли. Отдельная собственность была бы поглощена соединенной собственностью всего народа. Вместо того, чтобы быть во владении индивидуумов, страна сделалась бы собственностью великого корпоративного целого, - общества. Положение дел, созданное таким образом, находилось бы в полной гармонии с нравственным законом. Все люди сделались бы тогда одинаково собственниками земли, все люди одинаково могли бы пользоваться землей. И понятно, при такой системе земля могла бы быть отгораживаема, занимаема и обрабатываема с полным соблюдением закона равной свободы". Что такая простая перемена не вела бы, как говорит г-н Спенсер, к сколько-нибудь серьезному перевороту, этого-то во многих случаях и не замечают люди, думающие об этом предмете в первый раз. И говорят иногда, что самый принцип, очевидно, справедлив, что его легко было бы применить в какой-либо вновь заселяемой стране, но что его было бы чрезвычайно трудно применить в стране уже заселенной, где земля разделена,

как частная собственность; ибо признать в такой стране землю общей собственностью, чтобы сдавать затем индивидуумам, значило бы вызвать стремительный переворот величайшей важности. Возражение это, как бы то ни было, основывается на ошибочном представлении, будто нужно сделать что-то разом. Однако нередко случается, что пропасть, из которой нельзя ни выкарабкаться по скалам, ни выбраться при помощи лестниц, имеет выход по легкой и удобной дороге. Так и в этом случае открывается для нас удобная дорога, по которой мы можем уйти так далеко, что будет рукой подать до той цели, к какой мы стремимся. Чтобы сделать землю по существу общей собственностью всего народа и употреблять земельную ренту на общую пользу, есть путь гораздо более простой и легкий, чем отбирать формально права собственности на земле и затем сдавать ее участками, - путь, на котором не может быть никаких столкновений, который вполне подходит к теперешним обычаям и который не только не потребует какого-либо осложнения правительственного механизма, а даже даст возможность значительно упростить существующий. Во всякой более или менее развитой стране на общественные надобности расходуются огромные суммы, причем суммы эти с ростом общества возрастают не только абсолютно, но и относительно, так как общественный прогресс постоянно стремится передавать в ведение общества, в его целом, те функции, которые при неразвитом состоянии общества считаются достоянием индивидуумов. И народ, хотя не привык платить ренту правительству, привык платить правительству налоги. Из налогов некоторые падают на движимую собственность, некоторые - на занятия или на лиц (как при подоходном налоге, который, в сущности, есть налог на лиц, сообразно с их доходом); некоторые - на перевозку или на обмен товаров, каковы таможенные пошлины; а некоторые, - в Соединенных Штатах, по крайней мере, - на недвижимую собственность, то есть, на ценность земли и вложенного в нее

капитала, вместе взятых. Та часть налога на недвижимость, которая падает на земельную ценность, помимо улучшений, сделанных в земле или на земле, по своей природе есть не налог, а рента: в этой части налога берут в пользу общества часть того дохода, который принадлежит, - в силу равного права всех на пользование землей, - собственно обществу. И чтобы взять в пользу общества весь доход, который приносит земля, с такой же точностью, с какой можно было бы взять его, формально отобрав землю и затем сдавая ее, очевидно, нужно было бы лишь отменить один за другим все налоги, собираемые теперь, и увеличить налог на земельные ценности в такой мере, чтобы он достигал по возможности полного размера годичной ценности земли. С достижением этого пункта теоретического совершенства продажная цена земли совершенно утратилась бы, и повинности, возлагаемые обществом на индивидуумов за пользование общей собственностью, сделались бы и по форме тем, что они есть по своей сущности - рентой. А пока еще не был бы достигнут этот пункт, рента могла бы быть собираема посредством увеличения того уже существующего во всех наших штатах налога, каким облагается (в системе прямых налогов) продажная ценность земли, независимо от улучшений - ценность, которая может быть определяема с большей легкостью и точностью, чем всякая другая ценность. Для более полного ознакомления с результатами такого изменения в методе собирания общественных доходов я должен отослать читателя к сочинениям, в которых я рассматривал эту сторону предмета с большей подробностью, чем это возможно здесь. Но, говоря кратко, результаты эти были бы трех родов: Во-первых, уничтожились бы все налоги, которые падают теперь на всякое расходование труда и приложение капитала. Никого не облагали бы налогом за постройку дома, за улучшение формы или устройство рудника, за привоз товаров из чужих стран или за увеличение каким-либо способом запаса тех предметов, которые служат для удовлетворения

человеческих потребностей и составляют народное богатство. Каждый был бы волен создавать или сберегать богатство, - покупать, продавать, дарить или обменивать, без всякой помехи или препятствия, любой предмет человеческого производства, употребление которого не сопряжено со вредом для общества. Уничтожились бы все те налоги, которые падают на предметы, при переходе их из рук в руки, и которые падают на сооружения, возводимые на земле, оставались бы такой же собственностью, как и теперь; их так же, как и теперь, можно было бы покупать или продавать, и собственники их должны были бы уплачивать обществу в виде налога лишь ренту с земли, занятой этими сооружениями. Дома и другие сооружения, вместе с землей, занятой ими, сдавались бы в аренду так же, как теперь. Но арендная плата уменьшилась бы, сравнительно с теперешней, так как налоги, взимаемые теперь со зданий и других сооружений, падают в конце концов (если исключить регрессирующие страны) на лиц, пользующихся этими зданиями или сооружениями и, следовательно, благодеяние отмены этих налогов досталось бы арендаторам. И в этой уменьшенной арендной плате арендаторы уплачивали бы все те налоги, какие им приходится уплачивать теперь в прибавку к своей аренде, а доля их платы, представляющая земельную ренту, шла бы не на увеличение богатства владельца, а на увеличение того фонда, в котором и сами они были бы в равной доле участниками. Во-вторых, был бы припасен для общественного пользования, без всякого налога на заработок труда или на прибыль капитала, обширный и постоянно увеличивающийся фонд, - фонд, которого во всех мало-мальски населенных странах было бы не только достаточно для покрытия всех расходов правительства, признаваемых теперь необходимыми, но и для образования значительного излишка, который можно было бы употреблять на благо всего общества. В-третьих, - и это самое главное, - была бы уничтожена земельная монополия, и земля сделалась бы и осталась бы доступной для

приложения труда, так как стало бы невыгодно для кого бы то ни было владеть землей, не пользуясь ею в полной мере, и был бы положен конец как искушению, так и возможности спекулировать естественными удобствами. Спекулятивная ценность земли уничтожилась бы тотчас же, как сделалось известным, что налог на землю будет возрастать с такой же быстротой, с какой будет возрастать ценность земли, - все равно, пользуются ею или нет; и люди, не пользующиеся землей, не стали бы желать владения ею. С уничтожением капитализированной или продажной ценности земли уничтожилась бы и та премия, которую принуждены теперь уплачивать в виде покупных денег люди, желающие пользоваться землей, причем ценность различных земель стала бы измеряться количеством уплачиваемых с них обществу налогов, - то есть, высотой ренты. Если какая-либо земля оставалась свободной, то всякий желающий мог бы беспрепятственно занять ее и пользоваться ею, не платя ни налогов, ни ренты. За пользование землей ничего не приходилось бы платить до тех пор, пока не были бы пущены в дело земли менее прибыльные, то есть, пока от пользования ею не стала бы получаться прибыль, превышающая вознаграждение за затраченный труд и капитал. И как бы сильно ни увеличивалась вследствие роста народонаселения и прогресса общества ценность земли, это увеличение ее доставалось бы всему обществу, уходя на усиление того общего фонда, в котором самый бедный был бы участником наравне с самым богатым. Таким образом была бы уничтожена великая причина неравномерного распределения богатства и был бы положен конец той односторонней конкуренции, которая лишает благоденствий прогрессирующей цивилизации людей, обладающих лишь способностью трудиться, и гонит к минимуму заработную плату, невзирая на рост богатства. Труд, когда ему открыли бы доступ к естественным элементам производства, перестал бы быть неспособным к самостоятельной деятельности, а

конкуренция, начав обнаруживать свое действие между нанимателями с такой же полнотой и свободой, как между нанимаемыми, стала бы поднимать заработную плату до размера, который на самом деле представляет из себя ее естественную норму - до полной ценности производимого трудом, - и стала бы удерживать ее на этой норме. Обратимся снова к тарифному вопросу: Простая отмена покровительственной системы, - простая замена покровительственных пошлин фискальными, - является таким убогим и трусливым применением принципа свободной торговли, что было бы ошибкой говорить об этой мере, как об установлении свободной торговли. Фискальные пошлины представляют из себя только лишь несколько менее грубое стеснение торговли, чем покровительственные пошлины. Свободная торговля, в ее истинном значении, требует уничтожения не только покровительственных, но и всех вообще таможенных пошлин, уничтожения всех вообще стеснений при ввозе и вывозе товаров (кроме стеснений, вызываемых интересами общественного здоровья или нравственности). Но признав свободу торговли, логически было бы уже невозможно остановиться на упразднении таможен. Ее принцип столь же применим к внутренней, как к внешней торговле, и в своем истинном значении свобода торговли требует отмены всех внутренних налогов и пошлин, падающих на куплю, продажу, перевозку или обмен, на совершение каких-либо сделок или на занятие каким-либо делом, кроме пошлин или налогов, устанавливаемых в интересе общественной безопасности, здоровья или нравственности. Таким образом, истинной свободой торговли предполагается отмена всех косвенных налогов какого бы то ни было рода и переход к прямым налогам для покрытия всех общественных расходов. И это еще не все. Торговля, как мы видели, есть род производства, и освобождение торговли благотельно потому, что оно есть освобождение производства. По той самой причине, по какой мы не должны облагать пошлинами людей, увеличивающих богатство

страны, ввозя в нее ценные вещи, мы, стало быть, не должны облагать пошлинами и людей, увеличивающих богатство страны, производя ценные вещи внутри нее. Так что принцип свободной торговли требует не только того, чтобы мы отменили все косвенные налоги, но также того, чтобы мы отменили все прямые налоги на предметы, которые суть произведения труда: короче, принцип свободной торговли требует, чтобы мы предоставили полный простор естественным побуждением к производству, состоящим в обладании и пользовании произведенными предметами; чтобы мы не облагали никакими налогами производство, накопление или сохранение богатства (т.е. предметов, производимых трудом) и давали каждому свободу создавать его, обменивать, дарить, тратить или отказывать по завещанию. Таким образом, единственными налогами, посредством которых можно собирать доход в согласии с принципом свободной торговли, оказываются следующие два вида налогов: 1. Налоги на роскошь (тщеславие). Так как побуждением к роскоши является просто желание выказать свое богатство, и так как выказывать его можно одинаково хорошо и в уплате налога, то и налоги на роскошь, надлежащим образом организованные, не только не задерживают производства богатства, но нисколько не стесняют и пользования им. Тем не менее такие налоги, хотя им и уделяют место в теории, не имеют практического значения. Ничтожные суммы получают в Англии от налога с лакеев, носящих напудренные парики, от налога на гербы и проч.; в Соединенных Штатах такие налоги вовсе неизвестны, да и вообще ни в какой стране они не могут давать сколько-нибудь значительного дохода. 2. Налог на ценность земли. Налога на ценность земли не должно смешивать с налогами на землю, от которых он отличается по существу. Налоги на землю, - то есть налоги, взимаемые с земли по ее количеству или площади, - взимаются одинаково со всевозможных земель и потому падают в конце концов на производство, являясь препятствием к

пользованию земель, первым условием допущения к ней производителей. Между тем как налог на земельные ценности падает не на всякую землю, а лишь на земли, имеющие ценность, и на эти земли - пропорционально их ценности. Стало быть, он отнюдь не может служить для трудящихся помехой к пользованию землей, и все его действие сводится к обращению в пользу государства некоторой части тех платежей, которые собственник ценной земли может требовать с трудящихся за пользование ею. Другими словами, налог на землю, взимаемый по ее количеству, может в конце концов перелagаться собственниками земли на лиц, пользующихся землей, и превращаться таким образом в налог на производство. Но налог с ценности земли, как то признают все экономисты, падает неизбежно на собственников земли и никоим образом не может перелagаться ими на лиц, пользующихся землей. Принудить к уплате налога, взимаемого с ценности земли, лиц, покупающих землю или снимающих ее в аренду, собственник земли мог бы не более, чем принудить их к уплате для него по его закладной. Налог на земельные ценности из всех налогов является наиболее удовлетворяющим требованиям совершенного налога. Земля не может быть ни скрыта, ни унесена; потому налог с ценности земли может быть раскладываем с большей точностью и собираем с большей легкостью и меньшими расходами, чем всякий другой налог, причем налог этот ни в малейшей степени не может стеснять производства или ослаблять побуждений к нему. На самом деле, это налог только по форме; по своей сущности это - рента, отбирание в пользу общества ценности, возникающей не из труда личности, а из роста общества. Ибо земля получает ценность отнюдь не от чего-либо такого, что делает на ней ее индивидуальный собственник или лицо, которое пользуется ею. Ценность, создаваемая ее собственником, есть ценность улучшений. И ценность эта, будучи результатом труда индивидуума, по справедливости принадлежит индивидууму и не может быть облагаема

налогом без уменьшения побуждений к производству. Но та ценность, которая связана с самой землей, есть ценность, возникающая из роста общества и увеличивающаяся с ростом общества. Она, стало быть, по справедливости принадлежит обществу и может быть отбираема до последнего гроша без малейшего опасения за уменьшение побуждений к производству. Налог на земельные ценности является таким образом единственным налогом, при помощи которого может быть собирана, в согласии с принципом свободной торговли, сколько-нибудь значительная сумма доходов. И доводя принцип свободной торговли до пункта отмены всех налогов, теснящих и ограничивающих производство, мы, само собой разумеется, стали бы принимать почти те самые меры, которые признаны были нами за необходимые для обеспечения общего права на землю и установления равенства прав всех граждан. Чтобы привести к полному тождеству эти меры, было бы необходимо лишь поднять налог на земельные ценности, обращаясь к которому для покрытия расходов побуждает нас истинная свобода торговли, и поднять до такой высоты,

—

Налоги на роскошь (тщеславие). Так как побуждением к роскоши является просто желание выказать свое богатство, и так как выказывать его можно одинаково хорошо и в уплате налога, то и налоги на роскошь, надлежащим образом организованные, не только не задерживают производства богатства, но нисколько не стесняют и пользования им. Тем не менее такие налоги, хотя им и уделяют место в теории, не имеют практического значения. Ничтожные суммы получают в Англии от налога с лакеев, носящих напудренные парики, от налога на гербы и проч.; в Соединенных Штатах такие налоги вовсе

неизвестны, да и вообще ни в какой стране они не могут давать сколько-нибудь значительного дохода.² Налог на ценность земли.Налога на ценность земли не должно смешивать с налогами на землю, от которых он отличается по существу. Налоги на землю, - то есть налоги, взимаемые с земли по ее количеству или площади, - взимаются одинаково со всевозможных земель и потому падают в конце концов на производство, являясь препятствием к пользованию землей, первым условием допущения к ней производителей. Между тем как налог на земельные ценности падает не на всякую землю, а лишь на земли, имеющие ценность, и на эти земли - пропорционально их ценности. Стало быть, он отнюдь не может служить для трудящихся помехой к пользованию землей, и все его действие сводится к обращению в пользу государства некоторой части тех платежей, которые собственник ценной земли может требовать с трудящихся за пользование ею. Другими словами, налог на землю, взимаемый по ее количеству, может в конце концов перелagаться собственниками земли на лиц, пользующихся землей, и превращаться таким образом в налог на производство. Но налог с ценности земли, как то признают все экономисты, падает неизбежно на собственников земли и никоим образом не может перелagаться ими на лиц, пользующихся землей. Принудить к уплате налога, взимаемого с ценности земли, лиц, покупающих землю или снимающих ее в аренду, собственник земли мог бы не более, чем принудить их к уплате для него по его закладной.Налог на земельные ценности из всех налогов является наиболее удовлетворяющим требованиям совершенного налога. Земля не может быть ни скрыта, ни унесена; потому налог с ценности земли может быть раскладываем с большей точностью и собираем с большей легкостью и меньшими расходами, чем всякий другой налог, причем налог этот ни в малейшей степени не может стеснять производства или ослаблять побуждений к нему. На самом деле, это налог только по форме; по своей

сущности это - рента, отбирание в пользу общества ценности, возникающей не из труда личности, а из роста общества. Ибо земля получает ценность отнюдь не от чего-либо такого, что делает на ней ее индивидуальный собственник или лицо, которое пользуется ею. Ценность, создаваемая ее собственником, есть ценность улучшений. И ценность эта, будучи результатом труда индивидуума, по справедливости принадлежит индивидууму и не может быть облагаема налогом без уменьшения побуждений к производству. Но та ценность, которая связана с самой землей, есть ценность, возникающая из роста общества и увеличивающаяся с ростом общества. Она, стало быть, по справедливости принадлежит обществу и может быть отбираема до последнего гроша без малейшего опасения за уменьшение побуждений к производству. Налог на земельные ценности является таким образом единственным налогом, при помощи которого может быть собираема, в согласии с принципом свободной торговли, сколько-нибудь значительная сумма доходов. И доводя принцип свободной торговли до пункта отмены всех налогов, теснящих и ограничивающих производство, мы, само собой разумеется, стали бы принимать почти те самые меры, которые признаны были нами за необходимые для обеспечения общего права на землю и установления равенства прав всех граждан. Чтобы привести к полному тождеству эти меры, было бы необходимо лишь поднять налог на земельные ценности, обратиться к которому для покрытия расходов побуждает нас истинная свобода торговли, и поднять до такой высоты, чтобы в нем отбирался по возможности весь тот доход, который возникает из ценности, придаваемой земле ростом общества. Но нам стоит ступить еще лишь один шаг, чтобы заметить, что этого, в сущности, требует также свобода торговли, и что обе реформы, таким образом, абсолютно тождественны. Свободная торговля означает собой свободу производства. А чтобы вполне освободить производство, необходимо не только

устранить все налоги на производство, но также устранить и все прочие стеснения производства. Короче, истинная свобода торговли требует, чтобы активный фактор производства, труд, имел свободный доступ к пассивному фактору производства, земле. А для достижения этого должна быть уничтожена всякая монополия на землю и за всеми людьми должно быть обеспечено равное право на пользование естественными элементами через признание земли общей собственностью и дохода с нее - достоянием всего народа. Таким образом, свобода торговли требует от нас той же самой простой меры, какую мы признали необходимой для освобождения труда от его рабства и для достижения той справедливости в распределении богатства, которая будет делать улучшение или реформы благодетельными для всех классов общества. Частичная реформа, ошибочно называемая свободной торговлей, которая состоит в простой отмене покровительственной системы, - простая замена покровительственного тарифа фискальным - не может улучшить положения рабочих классов, так как она не касается основной причины того несправедливого и неравномерного распределения, которое, как это мы видим теперь, делает "труд вещью, ничего не стоящей, а народонаселение язвой" среди такого изобилия богатства, когда то и дело говорят о перепроизводстве. Истинная свобода торговли, напротив того, ведет не только к самому широкому производству богатства, но и к самому справедливому распределению его. Она открывает легкий и верный путь к той перемене, которая одна только может обеспечить справедливость в распределении богатства и сделать великие открытия и изобретения, до каких дошел теперь человеческий ум, средством для возвышения общества с самых его оснований. Это с чрезвычайной ясностью сознавали те великие французы, которые в прошлом столетии впервые подняли знамя свободной торговли. То, что предлагали они, представляло из себя не просто замену покровительственных пошлин фискальными, а полное

уничтожение всех налогов, прямых или косвенных, кроме единственного налога с ценности земли, - l'impôt unique. Они понимали, что это объединение налогов означало бы собой не просто освобождение торговли и промышленности от гнетущего их бремени, но означало бы также полную перестройку общества, - возвращение всем людям их естественных и равных прав на пользование землей. Только лишь понимая это, могли они говорить о предложенной ими реформе в выражениях, которые были бы крайним преувеличением, если бы они относились к чисто фискальным переменам, каким бы то ни было благотельным, - уподобляя эту реформу, по ее важности для человечества, тем основным изобретениям, которые дали первый толчок к развитию цивилизации, - употреблению монеты и введению письменных знаков. И всякий, кто вникнет, к каким великим благодеяниям для человечества должна была бы повести та мера, которая, освободив от всех ограничений производство богатства, установила бы справедливое распределение его, поймет, что эти великие французы были далеки от преувеличения. Истинная свобода торговли была бы освобождением трудящихся. Мы можем теперь объяснить, почему защита свободной торговли была столь нерешительной и слабой. Принцип свободной торговли, доведенный до своего логического заключения, уничтожил бы ту монополию на щедрость природы, которая дает возможность людям неработающим жить в роскоши на счет "бедняков, принужденных трудиться", - потому-то, так называемые, фритредеры и не решались требовать даже отмены таможенных пошлин, а стремились ограничить принцип свободной торговли просто отменой покровительственных пошлин. Пойти дальше значило бы встретиться со львом, выступить против "законных интересов". В Великобритании идеи Тюрго и Кенэ нашли для себя почву, на которой они могли развиваться тогда лишь в уродливой форме. Сила земельной аристократии только еще начинала

находить некоторый противовес в растущей силе капитала, а труд не имел голоса ни в политике, ни в литературе. Адам Смит принадлежал к тому классу писателей, который всегда бывает склонен смотреть на вещи, признаваемые за существенные господствующим классом, глазами этого класса, да и будь иначе, так все равно до распространения образования и удешевления книг, он не был бы услышан. В тени абсолютного деспотизма бывает можно иногда пользоваться большей свободой мысли и слова, чем при управлении со значительным участием народа. И Кенэ, придворный лекарь и любимец властелина Франции, имел возможность в Версальском дворце доводить свои предложения, касающиеся свободной торговли, до их законного заключения в виде *l'import unique* в то время, как Адам Смит, будь он столь же радикален, едва ли бы мог найти досуг, чтобы писать свое “Богатство народов”, или средства, чтобы печатать его. Я не сужу Адама Смита, я лишь выясняю те условия, которые влияли на развитие известной идеи. Задача, которую поставил себе Адам Смит, - доказать нелепость и непригодность покровительственных тарифов, - в условиях его времени и места сама по себе была уже достаточно трудной; и даже видя, куда в сущности ведут провозглашенные им принципы, он, как благоразумный человек, желающий делать лишь возможное для его времени и поколения и знающий, что там, где он положит основание, другие люди в свое время воздвигнут здание, - все же мог бы сознательно не дать этим принципам дальнейшего развития. Во всяком случае очевидно, что именно то обстоятельство, что свободная торговля завела бы слишком далеко, является причиной того, что британские приверженцы свободной торговли (по имени) удовольствовались отменой покровительственной системы, и сократив девиз Кенэ: “Расчищайте дорогу и предоставляйте дела их собственному течению” в девиз: “Предоставляйте дела их собственному течению”, урезали у него самую важную половину. Один шаг

вперед - требование отмены фискальных пошлин наравне с покровительственными - уже поставил бы их на опасный путь. Английские авторы, оправдывая сохранение фискального тарифа, намекают, что обращение к прямым налогам было бы невозможно без того, чтобы не побудить британский народ спросить себя о том, почему он должен содержать потомков королевских фаворитов и почему он должен платить проценты на огромные суммы, затраченные при прежних поколениях на более чем бесполезные войны. Но это не единственная причина. К системе прямых налогов нельзя было бы обратиться также потому, что защищать ее было бы невозможно без опасности для еще более важных "законных интересов". Один шаг вперед вслед за отменой покровительственных пошлин, и британское движение в пользу свободной торговли целиком направилось бы против того фетиша, к которому целые поколения британского народа приучались относиться с таким же благоговением, как к Ковчегу завета, - против частной собственности на землю. Ибо частная собственность на землю в британском королевстве (за исключением Ирландии и Шотландских гор) была установлена не тем быстрым и легким путем, каким хотел установить ее Вильям Эткинз на острове Крузо. Она вырабатывалась постепенно, как результат длинного ряда узурпаций и похищений. В глазах британского закона у британской земли есть в настоящее время только один собственник - корона, т.е. британский народ. Индивидуальные владельцы земли остаются еще в конституционной теории тем же, чем они были некогда на самом деле, - простыми арендаторами. Процесс, посредством которого они сделались фактически собственниками земли, состоял в том, что рента и налоги, которые они некогда должны были платить в виде вознаграждения за землю, заменены были косвенными налогами, а затем они владения свои увеличили еще путем захвата общинных земель приблизительно теми же самыми способами, какими некоторые лица

того же класса захватили огромные пространства нашей собственной государственной земли. Полная отмена британского тарифа имела бы своим роковым следствием уничтожение большей части внутренних косвенных налогов и побудила бы таким образом ввести высокие прямые налоги, падающие не на потребление, а на владение. При этом неизбежно возник бы вопрос о той доле участия в этих налогах, какую должны нести владельцы земли, а вместе с ним и вообще вопрос о законности права собственности на британскую землю. Ибо налог с земельной ценности, как на надлежащий источник государственных доходов, указывают не только все экономические соображения; на него указывают и все британские традиции. Земельный налог в размере четырех шиллингов с фунта стерлингов арендной цены земли до сего времени еще взывается номинально в Англии; но будучи разложен согласно оценке, сделанной в царствование Вильгельма III, налог этот, в действительности, достигает немногим более одного пенни на фунт. При отмене косвенных налогов люди естественно обратились бы к этому налогу. Сопротивление землевладельцев возбудило бы вопрос о праве владения, и таким образом движение в пользу замены прямыми налогами косвенных неизбежно закончилось бы требованием восстановления британского народа в его природных правах. Вот почему принцип свободной торговли был урезан в Великобритании до уродливой “британской свободной торговли”, доктрины, которая при случае идет вразрез даже с со своими собственными основными положениями, которая за доказательством несправедливости и нецелесообразности всяких таможенных тарифов указывает на фискальный тариф, как на нечто такое, что по необходимости должно существовать. Выясняя, почему движение в пользу свободной торговли не пошло далее отмены покровительственной системы, я, понятно, отнюдь не желал бы сказать, что приверженцы свободной торговли сознательно

руководились теми соображениями, которые приведены были нами. Мы определенно высказывали то, что во многих случаях, без сомнения, лишь смутно чувствовалось ими. Симпатии, предрассудки и антипатии того круга, в котором мы вращаемся, скорее всасываются нами, как бы с молоком матери, чем приобретаются путем рассуждений. А выдающиеся защитники свободной торговли, люди, руководившие общественным мнением и воспитывавшие его, принадлежали как раз к тому классу, среди которого сильны были чувства, препятствующие реформе, - к классу людей, имеющих образование и досуг. Где несправедливое деление богатства отдает плоды труда людям, которые не трудятся, там и классы общества, заправляющие органами общественного мнения и воспитания, - классы, к которым масса привыкает обращаться за советом и руководством, - должны обнаруживать крайнее нерасположение к борьбе против основной неправды, в чем бы она ни состояла. Это - неизбежно, ибо класс, обладающий богатством и досугом, и потому наиболее влиятельный и культурный, никогда не бывает классом, который терял бы от несправедливого распределения богатства, а наоборот, всегда оказывается классом, который (хотя бы и относительно) выигрывает от такого распределения. Богатство отождествляется с властью и уважением, а бедность - с подчиненностью и унижением. Потому, в обществе с несправедливым делением богатства класс, руководящий массой и служащий для нее образцом, хотя и может относиться с терпимостью к смутным обобщениям и невыполнимым предложениям, тем не менее встретит враждебно всякую попытку к обнаружению истинной причины общественных зол, ибо это обнаружение может вредить его превосходству. С другой стороны, класс, страдающий от этих зол, уже вследствие своего обездоленного положения является классом невежественным и невлиятельным, - классом, сознающим свое убожество и потому склонным принимать учения и усваивать

предрасsudки людей, стоящих выше его, а люди этого класса, выдающиеся по своим способностям, выдвигающиеся вперед, обыкновенно принимаются в ряды высшего класса, которому есть чем вознаградить их. Вот почему так долго держится общественная неправда, вот почему так трудно идти против нее. Когда господствовало рабство в Южных Штатах, то общественное мнение, слагавшееся не только под влиянием самих рабовладельцев, но также под влиянием церкви и школ, лиц свободных профессий и печати, было в такой мере настроено против всякого сомнения в законности рабства, что люди, никогда не владевшие и не собиравшиеся владеть рабами, готовы были преследовать и изгонять из своей Среды всякого, кто посмел бы, хотя бы одним словом, заикнуться против собственности на мясо и кровь; - даже готовы были, когда наступило время, выступить лично на поле битвы и жертвовать своей жизнью, защищая это “самобытное учреждение”. Даже рабы считали людей, добивавшихся отмены рабства, позором человеческого рода и готовы были вместе с прочими мазать их дегтем и валять в перьях. Рабство представляло из себя учреждение, в котором заинтересован был лишь немногочисленный класс людей; оно было, в сущности, настолько невыгодно даже для этого класса, что теперь, когда рабство отменили, едва ли бы нашелся из бывших рабовладельцев хотя бы один человек, который пожелал бы его восстановления, будь оно возможно. И тем не менее это учреждение не только господствовало над общественным мнением там, где оно существовало, но даже на Севере, где его не знали, проявляло такое влияние, что слово “аболиционист” долгое время считалось там синонимом “атеиста”, “коммуниста” и “поджигателя”. Введение паровых и сберегающих труд машин в Великобритании оказало такое влияние на развитие фабричной промышленности, что сделало для промышленных классов ничтожными все благодеяния от ввозных пошлин, создало силу капитала, способную бороться с

господством землевладельческих интересов, и сконцентрировав рабочих в городах, придало им значение более важного политического фактора. Отмена покровительственной системы в Великобритании была выполнена вопреки оппозиции помещиков комбинацией двух элементов, капитала и труда, из которых каждый, сам по себе, был бы не в силах одержать победы. Но из этих двух элементов тот, который представлен был манчестерскими фабрикантами, обладал гораздо большим могуществом, чем тот, дух которого выразился в рифмах, направленных против Хлебных законов. Капитал являлся руководителем, организатором, источником денежных средств для агитации, и когда его цель была достигнута, тогда дальнейший прогресс движения в пользу свободной торговли встал уже в зависимость от роста той силы, которая, как независимый фактор, только лишь теперь начинает оказывать некоторое влияние на ход британской политики. Всякий шаг к отмене фискального тарифа уже не только усиливал бы оппозицию помещиков, побуждая присоединяться к ним владельцев городских и горнозаводских земель, но поставил бы в оппозицию тот самый класс, который был душой движения в пользу свободной торговли. Ибо капиталисты, - за исключением тех случаев, когда их прямые интересы оказываются в явном и сильном противоречии с интересами землевладельцев, как то было в Великобритании в вопросе и покровительственных пошлинах, - как класс, обыкновенно разделяют чувства, одухотворяющие собой класс землевладельцев. Даже в Англии, где деление между тремя экономическими категориями, - землевладельцами, капиталистами и рабочими, - выступает с большей ясностью, чем где бы то ни было, различие между землевладельцами и капиталистами представляется более теоретическим, чем реальным. Другими словами, землевладельцы обыкновенно бывают также капиталистами, а капиталисты обыкновенно бывают в известной мере, на деле или в мечтах своих, землевладельцами или

бывают заинтересованы в выгодах землевладения при посредстве арендных договоров и закладных. Государственные долги и доходы, основанные на них, тоже со своей стороны являются фактором, могущественно содействующим поддержанию во всем “Доме изобилия” глубокой антипатии против всего, что может подвергнуть сомнению вопрос о происхождении собственности. В Соединенных Штатах проявляли свое действие те же принципы, хотя, вследствие различий в промышленном развитии, их комбинация была иной. Здесь интересами, которым нельзя было оказывать “покровительства”, были интересы земледельческого класса, а длительный и могущественный класс промышленников был на стороне покровительственных пошлин. Но если интересы “земледелия” не были у нас так хорошо ограждены, как в Великобритании, зато земельная собственность в Соединенных Штатах распределилась между большим числом лиц, и при быстром нашем росте большая часть существующего народонаселения заинтересована была в спекуляции на земельные ценности, в захвате земель ради обложения данью людей, которые еще должны были явиться. Таким образом частная собственность на землю была у нас, в сущности, даже сильнее, чем в Великобритании, и в то же время именно к людям, заинтересованным в ней, обращались, главным образом, противники покровительства. Ввиду таких обстоятельств в соединенных Штатах заметно было даже меньше расположения, чем в Великобритании, доводить принцип свободной торговли до его законных заключений, и свободная торговля представлялась нашему народу лишь в безжизненном виде “реформы таможенного тарифа”, не доросшей даже до требования “британской свободы торговли”. Однажды мне случилось ехать в поезде вместе с духовым оркестром из Питтсбурга, возвращавшимся с какого-то праздника. Дирижер сидел на одной скамейке со мною, и между песнями, которыми они старались скоротать ночь, у нас с

ним завязался разговор, начавшийся с политики и перешедший на тариф. Я не высказывал ему своих мнений и не оспаривал его, но предложил ему несколько вопросов относительно того, каким образом покровительство может благодетельствовать трудящимся. Его ответы, казалось, не удовлетворили и его самого, и он неожиданно обратился ко мне со словами: "Послушайте, сударь, могу ли я вам предложить вопрос? Я не желаю обижать вас, но мне хотелось бы прямо спросить вас. Вы фритредер?" Фритредер ". Настоящий фритредер, который желает отмены тарифа?" "Да, настоящий фритредер. Я желал бы, чтобы торговля между Соединенными Штатами и остальным миром была столь же свободна, как между Пенсильванией и Огайо". "Позвольте же мне вашу руку, сударь", воскликнул дирижер, вскочив со своего места. "Я люблю исключительных людей". "Братцы", обратился он к некоторым из своих музыкантов, "вот человек, каких вы никогда не видали; это - настоящий фритредер и он не стыдится себя признавать им". И в то время, как "братцы" жали мои руки, вероятно, также, как они жали бы руки "Живому скелету" или "Китайскому великану", - дирижер продолжал: "верите ли, сударь, всю мою жизнь слышал я о фритредерах, и тем не менее вы - первый, которого я встречаю. Я видал людей, которых другие называли фритредерами, но когда наступала их очередь, они всегда отрекались от этого. Самое большее, что они допускали, сводилось к тому, чтобы понизить несколько тариф или несколько улучшить его. Но они всегда настаивали, что у нас должен быть тариф, и я стал верить, что настоящих фритредеров не существует или что они существуют только лишь в воображении". Мой питтсбургский приятель, мне кажется, был в этом отношении истинным образчиком большинства американских граждан нашего поколения. Единственными фритредерами, которых они видели или слышали, были люди, склонные отрекаться от этого названия, или, по крайней мере, люди, утверждавшие, что мы всегда должны иметь тариф и восстававшие

против сильных понижений тарифа. Что же удивительного, если заблуждения покровительственной системы продолжают расти, встречая лишь такое противодействие? Свободная торговля, низведенная до степени простой реформы таможенного тарифа, лишается всякой гармонии и красоты; ее нравственная сила утрачивается; ее способность к подавлению общественных зол уже не может быть обнаружена, и не может быть изобличена несправедливость и гнусность покровительства. "Международный закон Бога" превращается в простой фискальный вопрос, который говорит лишь уму, а не сердцу, который может быть чувствителен для кармана, а не для совести, и который не может вызвать энтузиазма, необходимого для борьбы с могущественными интересами. Когда соглашаются, что таможи должны быть сохранены и должны взиматься ввозные пошлины, тогда средний человек приходит к заключению, что этими пошлинами могли бы быть и покровительственные, или, по крайней мере, начинает мало смущаться ими. Когда говорят, что следует остерегаться слишком быстрого движения, тогда люди вовсе не выказывают склонности к движению. Такая защита свободной торговли отнюдь не может считаться способной вызывать разговоры, будить мысль и двигать вперед великое дело наперекор могущественной оппозиции. Половина истины обладает не половинной силой целой истины, и принижать такой принцип, как принцип свободной торговли, в надежде обезоружить оппозицию, значит ослаблять его способность находить поддержку в гораздо большей степени, чем ослаблять антагонизм, который он должен встречать. Принцип, который в чистом виде был бы постигнут народной мыслью, утрачивает свою силу, будучи затемнен уступками и изуродован компромиссами. Но ошибка, которую делают такого рода защитники свободной торговли, коренится глубже, чем в непонимании своего образа действий. Этими защитниками, в большинстве случаев, являются люди, опирающиеся в

своих взглядах на бессвязное учение оскопленной политической экономии, преподаваемой в наших университетах, или на политические традиции "государственных прав" и "точного смысла", ныне разбитые и бессильные. Они не представляют свободной торговли в ее красоте и силе, ибо сами не видят в ней ни силы, ни красоты. Они не имеют смелости в убеждении, ибо у них нет убеждений. Они имеют мнения, но этим мнениям недостает той могучей силы, которая бьет ключом из живого убеждения. Они видят нелепость и расточительность покровительства; замечают нелогичность доводов в пользу его, и это оскорбляет их чувство справедливости и истины; но они не сознают того, что свободная торговля означает собой освобождение трудящихся, уничтожение бедности, возвращение обездоленным их природного права. Так фритредеры сильно напоминают собой те газеты, которые умеренно борются с протекционизмом перед выборами и бывают тише воды, ниже травы во время выборов. Они относятся к тому, что они называют свободной торговлей, с таким же расположением, с каким некоторые добряки относятся к обращению евреев в христианскую веру. Они будут говорить, когда это вполне удобно, писать, присутствовать на митингах, есть обеды или же давать на дело немного денег, но они едва ли решатся когда-нибудь порвать со своей партией или потерять какой-нибудь избирательный голос. Но человек, доведший принцип свободной торговли до его логических заключений, может поражать покровительство в самый корень. Он может дать ответ на всякий вопрос и отстранить всякое возражение, а в своем призыве он будет обращаться к самым сильным инстинктам и к самым надежным побуждениям. Он будет видеть в свободной торговле не простую фискальную реформу, а движение, которое имеет своей целью ничто иное, как уничтожение бедности, вместе с ее следствиями: пороком, преступлениями и нравственным падением, путем возврата обездоленным их естественных прав и реорганизации общества на

началах справедливости. Он будет вдохновляться делом, ради которого стоит и жить, и умереть, и энтузиазм его будет передаваться другим. Правда, защита свободной торговли в ее полноте стала бы возбуждать противодействие интересов, несравненно более сильных, чем те, которые стоят на страже покровительственных тарифов. Но с другой стороны, она стала бы группировать у знамени свободной торговли силы, из которых не может иметь успеха. А людям, желающим будить мысль, страшно не столько противодействие, сколько безучастие. Без противодействия нельзя вызвать того внимания, возбудить той энергии, которые необходимы, чтобы преодолеть косность, этот могучий оплот существующих злоупотреблений. Сосредоточить свои силы на вопросе, против которого никто не возражает, любая политическая партия может не более, чем пар в открытом сосуде достигнуть давления, необходимого для работы. Рабочие классы в Соединенных Штатах, составлявшие на выборах опору протекционистов, в настоящее время уже подготовлены к движению в пользу истинной свободной торговли. Ибо в течение нескольких лет они испытывали на себе такого рода воспитательные влияния, которые подрывали их веру в покровительство. Если они еще не поняли того, что покровительство не может помочь им, то они, по крайней мере, вполне уже сознали, что покровительство не помогает им. Они уже начинают замечать тот факт, что в самом общественном порядке заключается несправедливость, хотя и не могут хорошо понять, в чем она состоит. Они уже начинают, понемногу, приходить к сознанию, что для освобождения труда требуются радикальные меры, хотя и не могут сказать, какие именно. И вот, среди этой огромной массы, начинающей приходить в движение и искать выхода, быстро растет число людей, которые знают, в чем заключается эта основная неправда, - людей, которые видят, что в признании за всеми равного права на элемент, необходимый для жизни и труда, и только лишь в этом

признании заключается надежда на избавление от общественной неправды. К людям такого рода я и желал бы в особенности обратить свою речь. Люди эти - закваска, которая может поднять все тесто. Уничтожение частной собственности на землю есть предприятие настолько великое, что на первый взгляд оно может представиться невыполнимым. Но эта кажущаяся невыполнимость обуславливается просто тем фактом, что общество не сосредоточивало еще своего внимания на справедливости и необходимости этой великой меры. Ее осуществление есть просто дело пробуждения мысли. Нет надобности много заботиться о том, чтобы люди вотировали известным образом. Важно, чтобы они думали известным образом. Но главным средством к развитию мысли является гласное обсуждение. А чтобы вызвать наиболее общее и решительное обсуждение какого-либо принципа, нужно воплотить его в конкретную форму и представить в виде практической меры так, чтобы люди, призванные вотировать, волей-неволей думали и говорили о нем. Именно таким путем вступают всегда в сферу политического действия великие вопросы. Важнейшие политические битвы начинаются со стычек на аванпостах, не имеющих, в сущности, особого значения, и решаются обыкновенно в споре не из-за главного вопроса, а из-за какого-либо второстепенного или производного. Таким образом, вопрос о рабстве в соединенных Штатах получил практическое значение в политике при возникновении спора о распространении рабства на новую территорию и был окончательно решен в споре о разделе. Имея в виду известную цель, аболиционисты могли, конечно, относиться с презрением к предложениям республиканцев, тем не менее эти предложения явились средством к осуществлению того, что тщетно пытались выполнить прямым путем аболиционисты. Также и тарифный вопрос. Будет ли у нас покровительственный тариф или фискальный, в сущности, не имеет большого

значения; ибо хотя бы отмена покровительства и усилила производство, тем не менее стремление к неравенству в распределении продолжало бы проявлять себя и вскоре нейтрализовало бы всю выгоду. Но что представляется, таким образом, неважным, как цель, обладает огромной важностью, как средство. Покровительство есть меньший разбойник, это правда, но оно имеет значение сторожевого и передового пункта для главного разбойника, является тем меньшим разбойником, которого нельзя захватить, не дойдя в борьбе до самой твердыни главного разбойника. Главный разбойник так хорошо укрепился, и люди с давних времен так привыкли к его вымогательствам, что было бы трудно подговорить их выступить против него. Но поддержав людей, занятых борьбой с этим меньшим разбойником, мы тем самым открыли бы легчайший способ к захвату главного разбойника и воодушевили бы на борьбу с ним, чтобы обеспечить за всеми свободное пользование способностью к труду и полное обладание его произведениями, необходимо обеспечить равенство прав на землю. Собственность на землю так же мало можно защищать, как собственность на людей. Она является такой нелепостью, с политической точки зрения, такой гнусностью, с нравственной, и таким возмутительным извращением истинного права собственности, что ее можно было установить лишь силой и поддерживать лишь затемнением в народном сознании различия между собственностью на землю и собственностью на те предметы, которые суть результаты труда. Но лишь только выяснится это различие, - а его должно выяснить теперь полное обсуждение тарифного вопроса, - и судьба частной собственности на землю будет решена.

ГЛАВА XXX Заключение

Один богатый господин, которого я некогда поддерживал сам и призывал других поддерживать на выборах в президенты, вообразив его демократом школы Джефферсона, опубликовал недавно письмо, призывавшее нас к защите броненосными укреплениями нашей береговой линии, дабы иностранные суда

не явились к нам и не бомбардировали нас. Этот совет трусости имел соей, едва прикрытой, целью вызвать такой огромный расход государственных денег, что сделалось бы невозможным всякое сокращение налогов и через это была бы обеспечена на более долгое время за союзами промышленников возможность грабить под прикрытием тарифа. Совет этот прекрасно иллюстрирует всю низменность стремлений протекционизма, который понимает истинное достоинство Американской Республики и величие ее будущности так же мало, как материальные нужды огромной массы ее граждан - "бедняков, принужденных трудиться". Хорошее гармонирует со всем хорошим, а зло всегда тяготеет к злу. Бокль в своей "Истории цивилизации" с полным основанием прилагает термин "покровительство" не только к системе ограждения при помощи тарифов, но и ко всему тому духу, который внушает неравенство, ставит на место благородного патриотизма ничтожное самолюбие и мелочную зависть и питает собой политику вражды и войн. Не случайно вышло то, что желая освободиться от излишка дохода, с целью предупредить требование отмены покровительственных пошлин, господин Тильден стал предлагать расходование денег на броненосные форты, а не на какие-либо общепользные цели. Укрепления, военные суда и постоянные армии не только соответствуют целям протекционизма, требуя постоянных расходов и вызывая развитие класса людей, который видит в военных расходах собственную выгоду и счастье, но вполне гармонируют и с той теорией, которая учит нас, что наши интересы противоположны интересам других наций. Не стесняемая враждебными соседями, не запутанная в европейских спорах, наиболее могущественная из всех стран на земле по своему населению, Американская республика может отвечать лишь презрительным смехом на всякую мысль, будто она должна подражать вооружениям Старого Света, как она должна отвечать смехом на мысль, будто ее промышленность была бы уничтожена,

если бы ее гавани открылись для мировой торговли. Величайшая из стран не должна ставить свою безопасность к зависимость от броненосных крепостей и панцирных судов, которые через несколько лет, благодаря прогрессу изобретений, превратятся в бесполезный хлам даже во время войны; лишь в своем народонаселении, в своем богатстве, в образовании, изобретательности и мужестве своего народа должна она видеть надежную опору для себя в трудное время. Ни один народ на земле не решится без причины напасть на нее. И ни один не нападет на нее безнаказанно. Если мы будем вести когда-либо войну с другим государством, то это будет лишь война, затеянная нами самими. Достаточно могущественные, чтобы не бояться нападения, мы должны, однако, быть настолько справедливыми, чтобы не производить его. Открыв наши гавани для мировой торговли, мы обеспечим свою безопасность несравненно лучше, чем одеваем их всеми теми бронями отечественного производства, какие только может изготовить кружок наших сталелитейных заводчиков. Ибо свободная торговля не только бы вернула бы нам то господство на океане, которого мы лишились благодаря покровительству, не только дала бы толчок к развитию производительных сил, в которых заключается истинная боевая способность, но избавила бы нас от удовольствия когда-либо видеть у себя тех гостей, от которых не могли бы защитить нас броненосные форты, от воздушных шаров, разбрасывающих динамит, и смертоносных воздушных кораблей, долженствующих явиться ближайшим продуктом искусства разрушения. Дух протекционизма, который, собственно, и требует защиты стальными панцирями, есть дух международной вражды и ссоры. Дух свободной торговли есть дух братства и мира. Американской республике открыт более благородный путь, чем путь рабского подражания европейским безумствам и порокам. Вместо того, чтобы подражать в низком и гнусном, она может служить примером в великом и благородном. Союз самодержавных

штатов, решающий споры общим судом и не представляющий никаких помех для торговли и путешествия, имеет возможность дать миру нечто большее, чем римский мир. В чем заключаются истинные, основные преимущества нашего Союза? Разве не в абсолютной свободе торговли, которая им обеспечивается, и не в общности интересов, которая вытекает из этой свободы? Если бы наши штаты стали выдвигать друг против друга враждебные тарифы; если бы ни один гражданин не мог перейти через пограничную линию штата без обыска багажа, или если бы книгу, напечатанную в Нью-Йорке, нельзя было получить за рекой в Джерсей Сити, не уплатив сначала пошлины, то долго ли мог бы просуществовать наш Союз, и имел ли бы он тогда какую-либо цену? Все великие благодеяния нашего союза, и, главное, мир, который он обеспечивает между штатами, обуславливаются именно тем обстоятельством, что он воспрепятствовал установлению тарифов между штатами и дал нам свободу торговли на большей части материка. Мы можем "расширить область свободы", лишь только того пожелаем, лишь только применим к нашим сношениям с другими народами тот самый принцип, который мы применяем к сношениям между нашими штатами. Мы можем вполне объединиться с Канадой, лишь только разрушим ту тарифную стену, которой мы окружили нашу страну. Нам не надо будет искать взаимности; ибо, когда мы уничтожим наши таможни и удалим наших досмотрщиков багажа и конфискаторов Библии, тогда и Канада не пожелает и не будет в состоянии поддерживать своих. А через это по существу дела обе страны превратятся в одну. Захотели ли бы канадцы удерживать отдельный парламент и выдавать британскому наместнику деньги на содержание комичного двора в Ридо-Голле, - это нимало не касалось бы нас. Близкие отношения, которые установились бы при нестесняемой торговле, в скором времени сгладили бы пограничную линию; а взаимный интерес и взаимное удобство стали бы побуждать к немедленному распространению на

обе стороны одних и тех же общих законов и учреждений. То же произошло бы между нами и нашими родственниками по ту сторону океана. С уничтожением наших таможен и открытием наших гаваней для свободного ввоза всевозможных товаров, торговля между Британскими Островами и Соединенными Штатами приняла бы такие размеры, сношения сделались бы настолько близкими, что мы превратились бы в один народ и неизбежно должны были бы настолько согласовать принципы денежного обращения, почтовые системы и общие законы, что англичанин и американец начали бы чувствовать себя в такой же мере гражданами одной страны, как ньюйоркец и калифорниец. Три тысячи миль поверхности океана представляли бы к этому не большее препятствие, чем три тысячи миль сухопутного пространства. А при столь тесных отношениях стали бы проявлять свою власть узы крови и языка, и взаимный интерес, общие удобства и братское чувство в скором времени могли бы привести к соглашению, которое, выражаясь принятыми у нас словами, объединило бы все народы, говорящие по-английски, в один союз, долженствующий "установить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие и внешнюю безопасность, водворить всеобщее благосостояние и принести с собой благословения свободы". Таким образом, свободная торговля снова соединила бы то, что разлучил, что лет тому назад, протекционизм; и в союзе народов, говорящих по-английски, - на мировом языке будущего, - был бы сделан первый шаг к союзу всего человечества. И на наши отношения к другим народам наш отказ от покровительства оказал бы подобное же влияние. Никакие посылки делегаций для установления торговых сношений с сестрами-республиками Испанской Америки не будут приводить ни к каким результатам до тех пор, пока мы будем поддерживать тариф, отталкивающий их торговлю. Но нам нужно лишь открыть наши гавани, чтобы привлечь к себе их торговцев и пользоваться всеми естественными преимуществами этих стран.

А более могущественным, чем что-либо другое, оказалось бы нравственное влияние нашего поступка. Зрелища континентальной республики, такой, как наша, действительно полагающейся в своих делах на принцип свободы, влияло бы самым решительным образом на весь цивилизованный мир. Ибо, как было показано нами, то нарушение естественных прав, которое заключается в наложении тарифных пошлин, нераздельно связано с тем нарушением естественных прав, которым народные массы вынуждаются платить дань за привилегию существовать. Одно из этих нарушений не может быть уничтожено без уничтожения другого. И республика, которая довела бы, таким образом, принцип свободной торговли до его конечных заключений, которая признала бы через это равные и неотчуждаемые права людей, сделалась бы, действительно, как бы городом, стоящим на верху горы. Республике грозят опасности не извне, а изнутри. Ее целости страшна не армада, отчалившая от европейских берегов, а туча бродяг, собирающихся на ее дорогах. Что Крупн отливает чудовищные пушки и что в Шербурге и в Вулвиче складываются снаряды неслыханной разрушительности, - это не должно пугать ее; но мрачное предзнаменование для нее тот факт, что в Пенсильвании рудокопы работают за 65 центов в день. Никакой победоносный завоеватель не может вступить на нашу землю до тех пор, пока язва "крупных поместий" не вызовет "неурожая на людей". Против опасностей, грозящих ей, не защитят ее форты и броненосцы и не помогут постоянные армии. Их нельзя избежать подражанием европейскому протекционизму; они являются следствием нашей измены тому духу свободы, к которому мы обращались при образовании Республики. Мы можем избежать их, лишь согласовав наши учреждения с принципом свободы. Не будем забывать истины, провозглашенной первым Национальным собранием во Франции, что "невежество, пренебрежение или презрение к человеческим правам суть единственные причины общественных бедствий и

испорченности правительств“.И вот наше общее заключение: тот принцип, что мы должны поступать с людьми так же, как хотим, чтобы и они поступали с нами, что мы должны уважать права людей так же совестливо, как желаем, чтобы уважались наши права, - есть не просто совет к достижению личного совершенства, но есть закон, с которым мы должны согласовывать общественные учреждения и правительственную политику, если только желаем достигнуть благословенных изобилия и мира.001 ”The poor people, who have to work“. Это многозначительное выражение попало мне в одной газете протекционного направления. Но оно прекрасно выражает отношение к труду также многих писателей, защищающих свободную торговлю. 002

Последняя апология покровительства ”Покровительственная система и свободная торговля, - научное достоинство и экономическое действие охранительных пошлин в Соединенных Штатах“, бывшего губернатора Генри Гойта из Пенсильвании (Нью-Йорк, 1886), едва ли ниже среднего уровня в этом отношении. Однако уже в самом предисловии автор раскрывает тот запас знаний, с каким он приступил к экономическому исследованию, говоря о ценности так, как если она была мерой количества, и предполагая случай фермера, имеющего на 3.500 долларов произведений, которые он не может ни продать, ни обменять. При таком начале едва ли можно удивляться тому, что на с. 420 своего сочинения он приходит к нижеследующему заключению, напечатанному курсивом: ”чем более будем мы приближаться, в отношении организации нашей конкурирующей промышленности и в отношении руководства ею, к такому состоянию, как если бы мы были единой нацией на нашей планете, тем более мы будем производить и тем более будем мы иметь для дележа между производителями“. Астероид, приблизительно равный Пенсильвании по своей поверхности, без сомнения, представлялся бы для этого государственного человека и философа протекционной школы наиболее

желательным из миров. 003 Добывание работы, но не результатов ее, признается писателями-протекционистами за цель, к которой стремится истинная национальная политика, хотя по понятным причинам они не распространяются много об этом предмете. Так, профессор Томсон замечает (Политическая экономия, с. 211): "Теория свободной торговли признает, что главной целью общественной или личной экономии должно быть сбережение труда, тогда как наибольшую важность представляет вопрос о том, как применять его производительно. Если, покупая на самом дешевом рынке, нация будет сокращать суму применений труда, то это будет для нее самым дорогим способом покупки". Или затем (с. 235): "Национальная экономия труда состоит не в том, чтобы получать все потребное с наименьшей затратой, а в том, чтобы находить прибыльное применение для возможно большего количества его". 004 Для более полного ознакомления с влиянием машин, см. мою "Social Problems". 005 Самыми крупными владельцами Питтсбургской земли являются члены английского семейства Шенли, получающие в виде земельной ренты огромный доход и таким образом увеличивающие (в утешение пенсильванских протекционистов) наш экспорт над импортом в такой же мере, как если бы они владели значительным количеством пенсильванцев. 006 Из них на русском языке укажем: "Великая общественная реформа" (М., 1901) и особенно "Прогресс и Бедность" (СПб., 1896). - Прим. перев.) 007 Термин "социализм" употребляется так свободно, что едва ли можно установить за ним какой-либо определенный смысл. Меня считают социалистом люди, отвергающие социализм, но не признают за него люди, называющие себя социалистами. Я, со своей стороны, не могу ни признавать, ни отрицать за собой права на это название, ибо называть себя социалистом или индивидуалистом, признавая истинность обоих соотнесительных принципов, я могу не более, чем может называть себя центрифугалистом или

центрипеталистом человек, рассматривающий силы, которыми поддерживаются на своих орбитах планеты. Немецкий социализм школы Маркса (главным представителем которого в Англии является Г. Гейндмен, а наилучшим истолкователем в америке Лоренс Гронленд. 008 Великим источником ошибок в такого рода вопросах является недостаточное внимание к смыслу употребляемых терминов. Никогда не должно упускать из виду, что если какой-либо предмет может быть отнесен к классу "труд" или к классу "земля", то этого слова, и что в обычных разговорах к капиталу относят немало такого, как благонадежные долги, правительственные процентные бумаги и проч., что на самом деле не предоставляет из себя даже и богатства, которым всегда должен быть истинный капитал. Более полное выяснение путаницы в употреблении термина "капитал" читатель может найти в моем сочинении "Прогресс и бедность". 009 С годами враждебное отношение Джорджа к социализму (в русском смысле этого слова) еще более усилилось, и в 1889 г. в Лондоне на публичном диспуте с Гейндменом Джордж прямо назвал социализм "попыткой поработить трудящиеся классы под видом покровительства им". - Прим. перев. 010 Этой тактики и пытался следовать Джордж, поддерживая своими речами президента Кливленда в его борьбе с протекционизмом; ее же держались и сторонники Джорджа в Конгрессе, добившиеся напечатания книжки Джорджа: "Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли?" в официальном издании "Congressional Record" и таким образом распространившие ее в количестве одного миллиона двухсот тысяч экземпляров. - Примеч. Перев.) 011 Доходы центрального правительства уже и при существующей системе почти целиком могли бы собираться в виде известного процента с земельных ценностей, совместно с доходами отдельных штатов, причем можно было бы воспользоваться той же оценкой и тем же составом чиновников, как и при

совместном сборе существующих налогов штатов, графств (уездов) и городских управлений. Помимо достигаемой таким путем экономии, за сбором общегосударственного налога с земельных ценностей чрезвычайно сильно говорил бы также и тот факт, что земельные ценности больших городов и ценность минеральных залежей обязаны своим существованием общему росту народонаселения. Тем не менее для полной отмены тарифа нам не нужно было бы дожидаться установления порядка такого рода. Значительный доход можно было бы получать, при правильной организации дела, от выпуска бумажных денег - функции, принадлежащей, собственно, центральному правительству. В то же время независимый источник потребного количества доходов могли бы представлять из себя различные налоги, хотя и не столь совершенные в экономическом смысле, как налог на земельные ценности, но все же менее подверженные возражениям, чем пошлины на ввозимые товары. Акциз на спиртные напитки следовало бы отменить, так как он содействует развитию взяточничества, отзывается вредно на многих отраслях промышленности и выдает награды за обман; но путем правительственной монополии или при помощи патентов на розничную продажу можно было бы получать от торговли спиртными напитками значительный доход, с несравненно большей выгодой для общественного здоровья и для общественной нравственности, чем при теперешней системе. Существуют также некоторые виды гербового сбора, которые могут быть признаны сравнительно безвредными и могут быть взимаемы легко и без потерь. Но из всех способов сбора независимого общегосударственного дохода самым надежным, наиболее легким и наименее вредным являются пошлины с наследств. Среди многочисленного народонаселения число умерших изменяется с такой же правильностью, как число родившихся, и при надлежащем изъятии в пользу вдов, несовершеннолетних детей и

нуждающихся в поддержке родственников, эти пошлины ни для кого не были бы обременительны, причем гласность, необходимая при передаче собственности в случае смерти или ввиду смерти, позволяла бы легко собирать их и почти не допускала бы возможности уклонений от платежа. Передача в государственную собственность земельных ценностей независимо от всего прочего положила бы конец росту чрезмерных состояний, но до ее осуществления пошлины такого рода представляли ли бы побочную выгоду некоторого воздействия на такие состояния при их передаче. Из всех оправданий дальнейшего существования у нас тарифа, самым неосновательным является то, что тариф необходим для обеспечения доходов центрального правительства. Даже подоходный налог, как он ни плох, все же лучше, во всех отношениях, тарифа. 012 Автор сочинения "Собственность и налоги" и проч., горячий приверженец возврата британскому народу его земли, Бриггз был одним из Манчестерских фабрикантов, принявших участие в движении против Хлебных законов; видя в победе этого движения одно лишь начало, он постоянно настаивал на том, что Великобритания несет еще на себе язвы протекционизма, и что борьба за истинную свободную торговлю только еще должна наступить. **04.04.2010 в 17:43**

Кенэ: "Расчищайте дорогу и предоставляйте дела их собственному течению".

07.04.2010 в 17:44

Кенэ: "Расчищайте дорогу и предоставляйте дела их собственному течению". Цитирую Генри Джорджа - Это с чрезвычайной ясностью сознавали те великие французы (Кене, Тюрго), которые в прошлом столетии впервые подняли знамя свободной торговли. То, что предлагали они, представляло из

себя не просто замену покровительственных пошлин фискальными, а полное уничтожение всех налогов, прямых или косвенных, кроме единственного налога с ценности земли, - l'impôt unique. Они понимали, что это объединение налогов означало бы собой не просто освобождение торговли и промышленности от гнетущего их бремени, но означало бы также полную перестройку общества, - возвращение всем людям их естественных и равных прав на пользование землей. Только лишь понимая это, могли они говорить о предложенной ими реформе в выражениях, которые были бы крайним преувеличением, если бы они относились к чисто фискальным переменам, каким бы то ни было благодетельным, - уподобляя эту реформу, по ее важности для человечества, тем основным изобретениям, которые дали первый толчок к развитию цивилизации, - употреблению монеты и введению письменных знаков. И всякий, кто вникнет, к каким великим благодеяниям для человечества должна была бы повести та мера, которая, освободив от всех ограничений производство богатства, установила бы справедливое распределение его, поймет, что эти великие французы были далеки от преувеличения. Истинная свобода торговли была бы освобождением трудящихся. И чтобы взять в пользу общества весь доход, который приносит земля, с такой же точностью, с какой можно было бы взять его, формально отобрав землю и затем сдавая ее, очевидно, нужно было бы лишь отменить один за другим все налоги, собираемые теперь, и увеличить налог на земельные ценности в такой мере, чтобы он достигал по возможности полного размера годичной ценности земли. Принцип свободной торговли, доведенный до своего логического заключения, уничтожил бы ту монополию на щедрость природы, которая дает возможность людям неработающим жить в роскоши на счет "бедняков, принужденных трудиться", - потому-то, так называемые, фритредеры и не решались требовать даже отмены таможенных пошлин, а

стремились ограничить принцип свободной торговли просто отменой покровительственных пошлин. Пойти дальше значило бы встретиться со львом, выступить против “законных интересов”. В Великобритании идеи Тюрго и Кенэ нашли для себя почву, на которой они могли развиваться тогда лишь в уродливой форме. Сила земельной аристократии только еще начинала находить некоторый противовес в растущей силе капитала, а труд не имел голоса ни в политике, ни в литературе. Адам Смит принадлежал к тому классу писателей, который всегда бывает склонен смотреть на вещи, признаваемые за существенные господствующим классом, глазами этого класса, да и будь иначе, так все равно до распространения образования и удешевления книг, он не был бы услышан. В тени абсолютного деспотизма бывает можно иногда пользоваться большей свободой мысли и слова, чем при управлении со значительным участием народа. И Кенэ, придворный лекарь и любимец властелина Франции, имел возможность в Версальском дворце доводить свои предложения, касающиеся свободной торговли, до их законного заключения в виде *l'import unique* в то время, как Адам Смит, будь он столь же радикален, едва ли бы мог найти досуг, чтобы писать свое “Богатство народов”, или средства, чтобы печатать его. Я не сужу Адама Смита, я лишь выясняю те условия, которые влияли на развитие известной идеи. Задача, которую поставил себе Адам Смит, - доказать нелепость и непригодность покровительственных тарифов, - в условиях его времени и места сама по себе была уже достаточно трудной; и даже видя, куда в сущности ведут провозглашенные им принципы, он, как благоразумный человек, желающий делать лишь возможное для его времени и поколения и знающий, что там, где он положит основание, другие люди в свое время воздвигнут здание, - все же мог бы сознательно не дать этим принципам дальнейшего развития. Во всяком случае очевидно, что именно то обстоятельство, что свободная торговля завела

бы слишком далеко, является причиной того, что британские приверженцы свободной торговли (по имени) удовлетворялись отменой покровительственной системы, и сократив девиз Кенэ: “Расчищайте дорогу и предоставляйте дела их собственному течению” в девиз: “Предоставляйте дела их собственному течению”, урезали у него самую важную половину. Один шаг вперед - требование отмены фискальных пошлин наравне с покровительственными - уже поставил бы их на опасный путь. Английские авторы, оправдывая сохранение фискального тарифа, намекают, что обращение к прямым налогам было бы невозможно без того, чтобы не побудить британский народ спросить себя о том, почему он должен содержать потомков королевских фаворитов и почему он должен платить проценты на огромные суммы, затраченные при прежних поколениях на более чем бесполезные войны. Но это не единственная причина. К системе прямых налогов нельзя было бы обратиться также потому, что защищать ее было бы невозможно без опасности для еще более важных “законных интересов”. Один шаг вперед вслед за отменой покровительственных пошлин, и британское движение в пользу свободной торговли целиком направилось бы против того фетиша, к которому целые поколения британского народа приучались относиться с таким же благоговением, как к Ковчегу завета, - против частной собственности на землю. Кенэ: “Расчищайте дорогу и предоставляйте дела их собственному течению”. Это, на мой взгляд, гениальные слова. Квинтэссенция моего представления о правильной расчистке дороги содержится в моих темах - Три главных метода ОБ——КИ и ещё несколько вспомогательных

[!http://www.politforums.ru/civilization/1270579208.html](http://www.politforums.ru/civilization/1270579208.html) Проект Конституции Идеального Государства (ПКИГ).

07.04.2010 в 17:44

Литература о МДБС и земельном вопросе.

03.06.2010 в 19:51

Всвязи с первостепенной важностью темы МДБС по сравнению со всеми другими темами Политэкономии и второй по важности темы - Земельного вопроса, выдвигаю инициативу : осуществить перевод самых важных книг и статей, относящихся к этим темам и разместить их для открытого и бесплатного скачивания. В частности, книги и статьи Менгера, Мизеса, Ротбарда, Хюльсмана, Салерно, Генри Джорджа, Кене, Тюрго. А также других философов и политэкономов XVII, XVIII, XIX веков, критиковавших системы Петерсона (основателя первого в истории ЦБ - банка Англии) и Ло. Все книги и статьи, рекомендованные Ротбардом в его книге -ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ - КАК ГОСУДАРСТВО ЗАВЛАДЕЛО ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМОЙ ОБЩЕСТВА. Мюррей Ротбард <http://libertynews.ru/node/768> Все примечания к этой книге желательно привести полностью. Книга издательства Социум -Мюррей Ротбард ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США От колониального периода до Второй мировой войны Социум, 2005. 548 с. Выложена на их сайте частично. Необходимо убедить Г. Сапова выложить её полностью. Книги и статьи по истории ДБС и Земельного вопроса в России. В частности, до введения Витте золотого стандарта.

03.06.2010 в 19:51